

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений»

Студент

О.Р. Алиева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, О.Ю. Савельева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретические основы ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений	9
1.1 Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления в истории отечественного уголовного законодательства	9
1.2 Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления по законодательству зарубежных стран	18
Глава 2 Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ	29
2.1 Проблемы квалификации в зависимости от объективных признаков	29
2.2 Проблемы квалификации в зависимости от субъективных признаков	47
Глава 3 Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ч.ч. 2-4 ст. 150 УК РФ	59
3.1 Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ	59
3.2 Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 150 УК РФ	64
Заключение	73
Список используемой литературы и используемых источников	77

Введение

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, в последние годы в России вновь наметилась тенденция роста преступлений совершаемых несовершеннолетними под влиянием взрослых [43, с. 191]. Это объясняется рядом причин, связанных не только со стремительным ухудшением социально-экономической ситуации в стране, резким обнищанием населения, ростом безработицы, недостаточным количеством реально функционирующих учреждений дополнительного образования и спортивно-оздоровительных комплексов, что влечет маргинализацию, а впоследствии и криминализацию населения, в том числе и подростковой ее части, но и с развитием теневых социальных сетей, которые активно продвигают идеи альтернативного (криминального) образа жизни, и по сути не контролируются правоохранительными органами государства.

Во-вторых, такие деяния, как вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, как правило, характеризуются повышенной общественной опасностью, угрожая не только нравственному здоровью будущих поколений, но и нравственному состоянию нашего общества в целом. Подростки легче вовлекаются в совершение преступлений, их проще обмануть, воспользоваться их доверчивостью и наивностью, поскольку психика у подростка еще не устоявшаяся, и он легко поддается влиянию взрослых преступников. В дальнейшем такое влияние оказывает негативное воздействие на формирование взглядов, убеждений, принципов несовершеннолетних, в результате чего образуется целый пласт социума, оппортунистически относящийся к традиционным общечеловеческим ценностям, и построенному на них порядку взаимоотношений между людьми, настроенный на паразитическое существование за счет других членов социума, общества и государства, сопряженное с применением насильственных и иных криминальных методов.

Статистика совершения указанных преступлений последних лет указывает двоякую тенденцию. Если до 2018 года прослеживалась отчетливая тенденция к снижению преступлений такого рода (в 2018 году всего зарегистрировано 1662 преступлений, предусмотренных ст. 150 УК, что на 16% процентов ниже 2016 года – тогда было совершено 2003 преступления), то после 2019 года, в котором было зарегистрировано 1615 преступлений, кривая преступности поползла вверх и на третий квартал 2020 года по данным официальной статистики МВД их уже было 1320, что превысило показатели предыдущего года за аналогичный период на 15%.

Таким образом, вопрос о проблемах уголовно-правового противодействия проявлениям преступной деятельности в виде вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений имеет актуальность на сегодняшний день и требует детального анализа, а также разработки мероприятий, и рекомендаций по обеспечению тенденции к снижению совершаемой преступности такого рода, в том числе за счет устранения ошибок в правоприменительной практике, возникающих при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 150 УК.

Объект настоящего исследования – общественные отношения, возникающие в результате вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений, направленные на предотвращение этого негативного явления средствами уголовного права.

Предмет исследования составляют действующее законодательство, практика и публикации ученых занимающихся исследованиями в области уголовного права.

Цель исследования – комплексное рассмотрение феномена уголовно-правовой борьбы с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления.

Для достижения данной цели ставятся следующие задачи:

- провести исторический анализ временных этапов развития российского уголовного законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений;
- сравнить нормы отечественного и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений, выявить положительные и отрицательные стороны этого опыта с формированием аргументированных предложений по использованию наиболее прогрессивных идей в российской законотворческой практике;
- дать характеристику всех значимых с точки зрения уголовного права элементов и признаков составов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления;
- выявить и проанализировать наиболее спорные и распространенные проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления;
- сформулировать научно обоснованные рекомендации и предложения по совершенствованию теории и практики применения уголовно-правовых норм об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, а также конкретные меры, направленные на повышение эффективности уголовно-правовой борьбы с этими деяниями.

Теоретическая база исследования состоит из работ ведущих ученых юристов, которые выделяют отдельные и общие проблемы уголовно-правового противодействия феномену вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. Их рассматривали в трудах такие ученые, как: В.В. Агильдин, П.О. Магомедрасулова, Е.П. Коровин, Н.Н. Маршакова, А.В. Осипьян, Г.М. Миньковский, Г.З. Брускин, Н.Н. Косова, С.Р. Степанян, П.Ф. Тельнов, И.Я. Козаченко, Н.Н. Косова, Е.Н. Макарова, А.П. Перминова, М.В. Иванова, В.Н. Жадан, В.М. Гарманов, Д.В. Павлов и др. Следует

отметить, что несмотря на достаточно высокую степень разработанности данной темы, вопросы квалификации по-прежнему имеют много белых пятен, сохраняя почву для научных дискуссий и выработки новых решений.

Методологическая основа исследования традиционна для юридической науки. Решение обозначенных задач обеспечено за счет применения традиционных для юридических исследований общенаучных методов познания в совокупности со специальными методами правового познания объективной действительности. Прежде всего, это законы и диалектики, и построенные на их основе всеобщий метод, а также общенаучные (логический, статистический, системного анализа, индукции, дедукции и т.д.) и собственно юридические методы научного познания, такие, как сравнительно-правовой, историко-правовой, юридико-инструментальный и др.

Научная новизна исследования определяется как выбором темы, так и подходом к ее исследованию с учетом степени актуальности и разработанности различных ее аспектов.

Кроме того, научная новизна исследования выражается в положениях, выносимых на защиту:

1. Основным непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления являются общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию.

2. Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) следует понимать не только традиционно рассматриваемые в этом качестве целенаправленные, обусловленные различными мотивами действия представителей возрастной категории от 18 лет и выше, то есть лиц, достигших совершеннолетия, ориентированные на формирование решимости или готовности участвовать в совершении конкретного общественно опасного деяния у подростков, не достигших восемнадцати лет,

равно как и действия направленные на приобщение несовершеннолетних к криминальному образу жизни или формирование у них криминально-ориентированного менталитета (мировосприятия). По тому же критерию по ст. 150 УК РФ целесообразно квалифицировать и действия, которые состоят в использовании в совершении преступления несовершеннолетнего, не осознающего факт своего участия в преступной деятельности (факт совершения им преступления или общественно опасного деяния).

3. В целях приведения в точное соответствие норм и положений действующего законодательства с принципами вины и законности при внесении изменений в диспозицию рассматриваемой нормы, необходимо заменить понятие «преступление» в диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ понятием «общественно опасное деяние». Такой подход позволит скорректировать и сделать более эффективной судебную практику, поскольку даст возможность правоприменителю отойти в принятии процессуальных решений при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, от формализованных правил.

Теоретическая значимость исследования. Проведенное магистерское исследование имеет определенную теоретическую значимость, которая обусловлена комплексным подходом к исследованию, сочетающим анализ широкого спектра вопросов. Помимо квалификации, он включает освещение спорных моментов законодательного регулирования, теории и практики применения уголовно-правовых норм об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и содержит пути совершенствования как соответствующих доктринальных положений в рассматриваемой области, так и самого уголовного закона. Сформулированные предложения и рекомендации способствуют развитию научной основы механизма уголовно-правового обеспечения нормального процесса формирования полноценной личности несовершеннолетних, расширяют теоретические представления о средствах уголовно-правового противодействия вовлечению подростков в преступную деятельность и

способствуют дальнейшей эволюции уголовно-правовой науки в целом.

Практическая значимость исследования определяется его направленностью на решение спорных, проблемных вопросов квалификации случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. Сделанные в ходе работы выводы и предложения могут быть положены в основу совершенствования методов правоприменительной деятельности правоохранительных и судебных органов по практике квалификации преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ. Результаты представленной научной работы также могут быть использованы при разработке программ и учебных пособий по дисциплинам уголовно-правового цикла.

Структура работы обусловлена предметом, целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений

1.1 Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления в истории отечественного уголовного законодательства

Становление отечественного уголовного законодательства на разных исторических этапах характеризовалось различным набором средств уголовно-правового обеспечения интересов несовершеннолетних от посягательств со стороны взрослых, их нормального развития и воспитания. То же самое касается и аспектов борьбы с вовлечением подростков в совершение общественно опасных деяний.

Изучая первоначальные шаги российского государства по формированию уголовного закона, необходимо отметить, что «решение проблем в анализируемой области в большей степени осуществлялось за счет создания правовых запретов на те или иные формы поведения, которые объективно вредили детям» [60, с. 5]. При этом права, свободы и законные интересы ребенка не рассматривались как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Нормы, в том числе охранявшие и интересы детей, чаще всего носили общий характер, и их действие было направлено на искоренение общественно опасных форм поведения в целом, безотносительно той или иной возрастной категории лиц [45, с. 12]. Причем, такое положение дел сохранялось довольно длительный промежуток времени.

Так, в первых законодательных источниках древнерусского государства интересы несовершеннолетних почти не обеспечивались средствами уголовно-правовой защиты. Соответствующих положений не было в частности и в первом кодифицированном нормативном акте – Русской Правде [48, с. 121].

Такая ситуация просуществовала довольно долго, фактически вплоть до принятия Соборного Уложения 1649 г., в котором был значительно усилен репрессивный потенциал уголовной ответственности за общеуголовные преступления, а в месте с тем и за преступления, связанные с посягательством на детей и подростков. С появлением Уложения впервые получили официальное закрепление и запреты, которые можно расценивать как некие прототипы норм, «карающих за вовлечение несовершеннолетних в совершение различного рода преступной деятельности» [47, с. 82].

В Уложении был обособлена ст. 12, в которой говорилось: «А будет такое наругательство над кем учинит чей-нибудь человек, и того человека пытатъ, по чьему научению он такое наругательство учинил. Да будет тот человек с пытки скажет, что он такое наругательство учинил по научению того, кому он служит, или по чьему научению, и тем людям, кто на такое дело кого научит, и тому, кто такое дело сделает, потому же учинити жестокое наказание, бити их кнутом по торгом и вкинуть их в тюрьму всех на месяц, да на тех же людей, кто на такое дело людей своих научит, правити тем людям, над кем такое наругательство люди их учинят, бесчестие вдвое». В ст. 25 Уложения устанавливалась ответственность за вовлечение в занятие проституцией (сводничество) девушек, а раздел 10 содержал «нормы об ответственности за злоупотребление родительской властью» [63, с. 92].

В то же время следует признать, что все перечисленные выше нормы, появившиеся в Уложении 1649 года, имели все же общий характер. В большей степени их можно отнести к проявлениям феномена соучастия в уголовном праве. И, судя по конструкции, речь в них шла об усилении ответственности за деятельность организатора по совершению преступлений, а также подстрекательство. При этом по акценту, который делал законодатель в содержании текста соответствующих законоположений, нельзя сказать, что это были именно средства предупреждения случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. По крайней

мере, почти нигде законодатель не обозначал и не классифицировал возраст вовлекаемого в совершение преступлений.

Первые шаги, непосредственно направленные на борьбу с рассматриваемым видом преступлений против интересов несовершеннолетних были сделаны только с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, которое закрепило уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и имело существенное значение для развития всего уголовного законодательства России.

В нем впервые взрослые стали отвечать за деяния против несовершеннолетних, причиняющие существенный вред их нормальному развитию, их правам, свободам и законным интересам по уголовному закону. Во вновь закрепленных в данном памятнике русского права уголовно-правовых запретах, наконец, говорилось уже не об абстрактных посягательствах на интересы несовершеннолетних, а непосредственно о вовлечении последних в участие в криминальной деятельности. Правда, при этом в большей степени здесь пока шла речь о непотребном поведении со стороны родителей или опекунов.

Посягательства на интересы несовершеннолетних на уровне родовой принадлежности и в плане восприятия родового объекта именовались как «преступления против прав семейственных», при этом были помещены в раздел XI. названного закона. Более конкретно законодатель обозначал их как преступления против «злоупотребления родительской властью», для чего в главе II было обособлено отделение I.

Конкретно за вовлечение подростков в совершение преступления ответственность была предусмотрена ст. 2093, которая распространялась на деяния родителей и опекунов, которые «через употребление во зло своей власти или посредством преступных внушений и обольщений вовлекают умышленно в преступление лицо, вверенное их опеке» [48, с. 124].

Это была не единственная норма такого рода. Уголовная ответственность за совершение преступления в рассматриваемой сфере предусматривалась также и в других отделениях Уложения. В частности смежная норма была закреплена в ст. 993 – «в первом отделении четвертой главы восьмого раздела «О соблазнительном и развратном поведении и о противоестественных пороках». Это была «норма от ответственности за «склонение лицами, имеющими надзор за малолетними и несовершеннолетними, к непотребству и другим порокам» [60, с. 5].

Кроме того, в Уложении было отмечено как преступление и «вовлечение детей в занятие нищенством» (ст. 1221), склонение несовершеннолетних к проституции (ст. 1285), которые в свою очередь в те времена тоже относились к категории общественно опасных деяний [49, с. 221]. С учетом множественности норм, связанных со злоупотреблением родительской властью, наряду с запретом на вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, в ст. 2081 законодатель предусмотрел механизм квалификации таких деяний, совершенных в совокупности с другими преступлениями [60, с. 55].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что хотя законодатель на данном историческом этапе и обозначил необходимость защиты несовершеннолетних от преступных посягательств на их нормальное развитие и воспитание со стороны взрослых, появившиеся в уголовном законе нормы можно рассматривать лишь как начало серьезного отношения к этой проблеме, начало ее детальной проработки и четкого законодательного определения.

В то же время анализ содержания уголовно-правовых норм о защите интересов несовершеннолетних, составляющих материю уголовного законодательства России XIX – начала XX века, позволяет сделать вывод о том, что в этот период они уже отличались довольно высоким уровнем юридической техники. Впервые в российской истории в законе был

сформирован целый блок норм, направленных на защиту интересов подрастающего поколения.

Это, можно сказать, был уже некий прототип уголовно-ювенального института, который, помимо общих норм об охране прав и законных интересов несовершеннолетних от преступных посягательств со стороны взрослых, предусматривал и меры защиты от вовлечения их в криминальную среду и совершение общественно опасных деяний. Недостатком, причем, на наш взгляд, весьма существенным, было лишь то, что за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность пока несли уголовную ответственность, только родители или лица, приравненные к ним и наделенные родительскими или опекуновскими полномочиями.

Кардинальные перемены, произошедшие не только в социально-экономическом блоке общественного развития, но и во всех сферах общественных отношений после свершения Октябрьской революции, коснулись уголовно-ювенального законодательства [105, с. 26]. С первых дней своего становления Советское правительство обратило непосредственное внимание на предупреждение подростковой преступности и на использование подростков в криминальных целях взрослыми. Почти сразу же последовала череда законодательных инициатив, включающих издание декретов и иных нормативных правовых актов о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и с вовлечением их в криминальную среду.

Первые, наиболее значимые уголовно-правовые нормы появились в Декрете «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» от 4 марта 1920г. Это были нормы об ответственности взрослых за подстрекательство представителей подростковой среды к преступной деятельности. Причем, законодатель трактовал и само обозначенной деяние, и принципы наказуемости за него, весьма дискреционно. Усиление репрессии было связано не за совершение конкретных действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение

преступления, как сейчас, а за сам факт преступного участия взрослых лиц в том или ином совместном деянии. Так, согласно ст. 5 декрета «при установлении участия взрослых лиц в деле комиссия сообщает надлежащему судебному или следственному органу об обнаруженных ею признаках преступного участия указанных лиц» [48, с. 123].

Чуть позже «Народным комиссариатом просвещения, здравоохранения и юстиции РСФСР была утверждена Инструкция для комиссии по делам несовершеннолетних, которая в еще большей степени акцентировала внимание на необходимость «... привлечения к судебной ответственности взрослых с немедленной передачей дел о них в народные суды» за следующие деяния: «подстрекательство и склонение несовершеннолетних и малолетних к совершению общественно опасных действий»; «соучастие с ними или попустительство такового»; «за склонение несовершеннолетних и малолетних к проституции и половым извращениям, за сводничество и т.п.» [13, с. 51].

Примечательно, что законодатель акцентировал внимание в данном случае именно на формулировке «общественно опасное действие». Такой подход к позиционированию категории преступных деяний в нормах уголовного закона, свойственной тому времени, следует считать заслугой законодателя. Он не только более адекватно отображает реалии объективной уголовно-правовой действительности, но и позволяет применять уголовный закон более эффективно, охватывая не только непосредственно преступления, но и действия лиц, которые представляют собой общественную опасность, но при этом не являются преступлениями в силу особого состояния субъектов их совершивших, – имеются ввиду случаи совершения деяний лицами, относящимися к категории невменяемых.

Тем не менее, уровень развития непосредственно уголовного законодательства пока оставлял желать лучшего. Сохранился он и при принятии первого советского уголовного кодекса УК РСФСР 1922 г. Законодатель при конструировании и введении его в действие был крайне

осторожным и пока сконцентрировал внимание на традиционных преступлениях, а также на угрозах молодому советскому режиму со стороны контрреволюционных проявлений различного рода и на борьбе с беспризорностью.

Поэтому сформировавшиеся на уровне подзаконных нормативных актах, указанные выше идеи и положения о противодействии преступлениям, совершаемым в отношении несовершеннолетних, пока остались за рамками кодекса, в который были включены составы «неуплаты алиментов на содержание детей, оставления несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки, сокрытия или подмены чужого ребенка, а также за похищение чужих детей» [49, с. 223].

Незрелость уголовного законодательства дала о себе знать и в 1926 году, когда был принят новый Уголовный кодекс РСФСР. Он по-прежнему так и не дал толчка в развитии норм об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и криминальную среду, также как и в определении уголовно-правового статуса смежных явлений.

Все изменения в уголовно-ювенальном блоке законодательства заключались в том, что была декриминализована норма об ответственности взрослых лиц за вовлечение несовершеннолетних в проституцию (в разные времена проституция образовывала то криминальное явление, то противоправное, но не представляющее общественной опасности) и одновременно в законе появился состав принуждения родителями детей к занятию нищенством (часть 2 статьи 158 УК РСФСР 1926 года). Однако это уже не вписывается в рамки вовлечения подростков в совершение преступления [100], поскольку занятие нищенством как аналог современного бродяжничества по своей социально-правовой природе относится все же к категории вредных, но не опасных для социума поступков, то есть к категории административных правонарушений и обнимается административной, а не уголовной юстицией. Об

ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений фактически «позабыли» [31, с. 117].

Но в скором времени политика Советского государства в сфере борьбы с преступностью вновь изменилась, сменилась борьбой с преступностью исключительно репрессивными методами. Пересмотр указанной политики ознаменовался принятием 7 апреля 1935 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних». Были ужесточены наказания и уголовная ответственность за преступления как против несовершеннолетних, так и самих подростков.

В постановлении также указывалось: «Лиц, уличенных в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в принуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т.п., карать тюремным заключением не ниже пяти лет» [13, с. 52]. Таким образом, на данном этапе законодатель объединил составы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, что в какой-то мере логично, если считать, что разница между криминальной и антиобщественной деятельностью порой не так очевидна, как с точки зрения объективной, так и с позиции грани понимания самими подростками названных явлений.

В этом же году в действовавший тогда УК РСФСР 1926 г. была введена уголовная ответственность за подстрекательство несовершеннолетних или привлечение их к участию в различных преступлениях, а также за понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т.д. (статья 73.2 УК РСФСР 1926 года).

В процессе разработки УК РСФСР 1960 года учеными было высказано мнение «о необходимости объединить все преступления, направленные против несовершеннолетних, в самостоятельную главу - о преступлениях против семьи и молодежи. Однако такая позиция не получила законодательного закрепления и преступления против несовершеннолетних

были рассредоточены по разным главам Особенной части Уголовного кодекса 1960 года» [49, с. 224].

Так или иначе, «УК РСФСР 1960 года ознаменовал новый этап в создании уголовно-правовых гарантий безопасности несовершеннолетних» [48, с. 122]. В результате усилий ученых, представителей правоохранительных органов и общественности в УК появилась статья 210, которая объединила все формы вовлечения подростков криминальную и антиобщественную деятельность. «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в пьянство, в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, а равно использование несовершеннолетних для целей паразитического существования» наказывалось по ст. 210 УК лишением свободы на срок до пяти лет [90].

В дальнейшем более четко разработанные положения, изложенные в УК РСФСР 1960 г. (в отношении вопроса о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений) «практически не менялись вплоть до появления Уголовного кодекса РФ 1996 г.» [13, с. 51]. Огромные «перемены, произошедшие в политической, экономической, социальной жизни нашей страны, позволили обнаружить несовершенство уголовно-правовых норм, связанных с проблемой ответственности несовершеннолетних, и в частности, когда речь идет о вовлечении их в преступления» [47, с. 82].

Важность рассматриваемой проблемы «выразилась в более глубоком и детальном подходе к рассмотрению и изучению преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение правонарушений, когда субъектом преступления является взрослое виновное лицо» [19, с. 200]. УК РФ 1996 года «содержит отдельную главу, в которой рассматриваются преступления, совершенные против семьи и несовершеннолетних. Законодатель предусмотрел две самостоятельные уголовно-правовые нормы, закрепленные в ст. 150 и ст. 151 УК, в которых разделил ответственность за преступное вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений и антиобщественных действий, что следует признать все-таки более

рациональным шагом, так как эти деяния значительно отличаются по потенциалу общественной опасности» [19, с. 200].

Таким образом, уголовное законодательство об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в криминальную среду и совершение преступных посягательств прошло довольно непростой и противоречивый путь, который логично на всем протяжении истории развития страны был связан с формированием у государства представления о социальной значимости и ценности института семьи и защиты интересов несовершеннолетних, ориентированных на развитие и воспитание последующих поколений в духе законности и правопорядка с целью построения максимально «здорового общества», свободного от проявлений организованной преступной среды, воровского менталитета и т.д.

Тем не менее, современное состояние уголовно-правового механизма противодействия фактам вовлечения взрослыми подростков в совершение преступлений, образующих ст. 150 главы 20 УК РФ оставляют желать лучшего.

Множественные доработки, вносимые в указанную главу в последние годы, свидетельствуют не только о несовершенстве действующего уголовного закона, но и о сложности рассматриваемых в нем вопросов, а также необходимости его постоянного обновления, изучения и совершенствования.

1.2 Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления по законодательству зарубежных стран

Ценность сравнительного анализа российского и зарубежного законодательства отмечалась многими исследователями. Так, по мнению В.Б. Александрова, «охрана семьи и несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами в разных странах варьируется в зависимости от

социального уклада и юридических традиций общества, но в том или ином виде такая охрана присутствует в законодательстве всех развитых стран» [1, с. 18].

Значение, которое имеет охрана интересов несовершеннолетних в правовых системах зарубежных государств, «находит свое первоочередное отражение в уголовном законодательстве» [109, с. 74]. Характерной «чертой» уголовных кодексов Германии, Испании, Швейцарии, Голландии, Китая, Франции, США является то, что они не предусматривают самостоятельной главы о преступлениях против несовершеннолетних» [71, с. 205].

В то же время «в них можно выделить самостоятельную группу норм, направленных на защиту несовершеннолетнего от вовлечения его в преступную деятельность» [61, с. 62]. Так, УК Голландии в разделе 5 «Преступления против общественного порядка» содержит ст. 131, согласно которой «лицо, которое публично, устно либо в письменной форме, либо с помощью изображения подстрекает другое лицо или других лиц к совершению любого уголовного правонарушения и акта насилия против властей» [84, с. 114].

Близкое к российскому закону положение содержится в § 115.00 УК штата Нью-Йорк. Ответственность за «подстрекательство любого лица к совершению какого-либо правонарушения, за сговор на совершение преступления с одним или более лицами» [61, с. 63]. При этом ответственность виновного зависит от возраста лица, которое склоняют к правонарушению или с которым «сговариваются», а также степени опасности совершаемого преступления [71, с. 204].

Особого «интереса заслуживает УК Китая, который в отличие от УК РФ, не проводит разграничения по возрасту потерпевшего» [109, с. 75]. Так, «обучение способам преступной деятельности» в соответствии со ст. 295 УК Китая в зависимости от наличия и характера отягчающих обстоятельств, влечет лишение свободы на срок от 5 лет и вплоть до смертной казни независимо от возраста обучаемых лиц. Похожая статья 150 УК РФ

«Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» предусматривает лишение свободы на срок до 8 лет и «пострадавшим по ней может являться только несовершеннолетний» [86, с. 122].

УК Турции в книге второй Разделе 5 главе 1 ст. 311 вовлечение отображено в виде подстрекательства: «Если лицо, публично подстрекающее к совершению правонарушения, наказывается, если в результате этих преступных действий было совершено правонарушение или попытка к его совершению, наравне с основными правонарушителями» [71, с. 206]. Как видно, здесь речь идет о правонарушении, но из того какое турецкий законодатель придает этому феномену значение вытекает, что подразумевается им весь перечень нарушений законодательства, в том числе и уголовно-правовых запретов.

Аналогичные «объединенные нормы за вовлечение несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность содержатся в главе 26 УК Польши, в разделе 14 «Преступления против общественной нравственности» УК Голландии и т.д.» [71, с. 204].

Уголовным кодексом Испании, по мнению некоторых исследователей, предусмотрена наиболее последовательная и всесторонняя охрана интересов семьи. В нем нет отдельной главы или раздела, которые были бы посвящены защите интересов несовершеннолетних, но зато казуально вовлечение их в преступную или антиобщественную деятельность здесь наиболее детализировано [85, С. 108]. При этом УК Испании «предусматривает более строгие санкции за вовлечение несовершеннолетнего в такую деятельность, по сравнению с УК РФ за аналогичные преступления. В нем отсутствует в качестве вида наказания штраф, зато предусмотрен широкий спектр дополнительных наказаний, направленных на понижение социального статуса виновного и постоянное или временное ограничение его семейных и других прав по отношению к несовершеннолетнему» [61, с. 64].

Определенный интерес представляет и подход французского законодателя к построению рассматриваемых норм в УК. Судя по структуре

и содержанию главы, посвященной защите прав несовершеннолетних он более близок УК России. В то же время «санкции норм в соответствующих статьях УК Франции устанавливают более длительные сроки лишения свободы, чем в УК России. В УК Франции наряду с лишением свободы в качестве наказания всегда применяется крупный денежный штраф, а дополнительными наказаниями являются временное лишение политических, гражданских и семейных прав, лишение водительских прав» [102, с. 87].

Кроме того, «в УК Франции более широко представлен круг деяний, признаваемых преступными в отношении несовершеннолетних, и за них установлена повышенная, по сравнению с УК России, уголовная ответственность» [71, с. 206].

Таким образом, можно отметить, что особенностью зарубежных законов в ряде случаев является отсутствие специальной нормы о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления. В этом случае «действуют нормы о подстрекательстве и соучастии. По сравнению с ними российский уголовный закон более четко и последовательно охраняет права детей на благополучное развитие, защищая от наиболее опасного посягательства – втягивания в преступную деятельность» [109, с. 75].

Санкции статей уголовных кодексов различных стран различны как по видам, так и по строгости предусмотренных ими наказаний, «поэтому наиболее верным будет вывод о том, что санкции большинства рассмотренных уголовных кодексов жестче санкций УК РФ, что еще раз подтверждает необходимость пересмотра последних в сторону умеренного ужесточения» [70, с. 41].

Что касается опыта уголовно-правового регулирования ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений стран ближнего зарубежья, то он во многом схож с российскими законодательными решениями. Это не случайно, учитывая единые корни и общие уголовно-правовые школы всех государств постсоветского пространства – бывших участников СНГ. Преимущественно

законодатели большинства стран повторяют друг друга как в вопросах конструирования анализируемых уголовно-правовых запретов, так и их наказуемости. Правда, в некоторых вопросах они отличаются. Рассмотрим эти отличия более подробно.

Так, Статья 170 УК Республики Азербайджан почти дублирует аналогичную норму российского законодателя [83]. По такому же пути в регламентации анализируемого деяния идет и уголовное законодательство Армении [90]. Немного отличаются в УК названных стран лишь перечни квалифицирующих признаков, причем даже не по содержанию, а по месту расположения в соответствующих статьях [42, с. 7].

В УК Республики Беларусь аналогичная норма обособлена в главе об ответственности за преступления против уклада семейных отношений, которая следует сразу же за преступлениями против половой свободы. Это норма об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, которая предусмотрена ст. 172 УК [91]. В ней в отличие от других стран конкретизирован возраст субъекта преступления, что на наш взгляд правильно с точки зрения правоприменительной практики. Здесь указан возраст восемнадцать лет, что лишает правоохранительные органы при привлечении к уголовной ответственности за рассматриваемое преступление возможности применять уголовный закон дискреционно [17, с. 142].

В УК Республики Грузия все анализируемые действия сконцентрированы в Главе XXIV «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Однако в ней нет отдельного состава преступного вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления. Нет упоминания о таком деянии и в статье 171 УК об ответственности за вовлечение подростков в антиобщественные деяния. Из того перечня, который там закреплен, следует что грузинский законодатель вопрос об ответственности за рассматриваемое преступление вообще обошел стороной [92].

Наиболее интересным, на наш взгляд, представляется опыт Республики Казахстан. В нем в главе «Уголовные правонарушения против семьи и несовершеннолетних» «расположена ст. 132, которая закрепляет ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение уголовных правонарушений» [93].

Во-первых, нельзя не отметить, что именно Казахский законодатель начал первым применять нововведения в рамках борьбы с педофилией, в связи, с чем в рассматриваемых составах преступления появился специальный субъект – педагоги и воспитатели. Для них наказание по указанным нормам, во-первых, гораздо строже, во-вторых, дополнено специальной санкцией – пожизненным запретом занятия педагогической или воспитательной деятельностью.

Во-вторых, анализируемая норма наиболее удачно детализирует состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления на основной и квалифицированные составы.

В-третьих, интересен подход законодателя в плане характеристики деяния, в которое вовлекается подросток – уголовное правонарушение. Эта особенность связана с внедрением прогрессивного взгляда на классификацию уголовных правонарушений казахским законодателем, и заслуживает отдельного внимания в плане перспектив совершенствования уголовного закона. Наконец, заслуживает одобрения прием отображения способов совершения рассматриваемого преступления. Здесь они представлены наиболее логично.

На уровне основного состава они обобщены, а насильственный способ и вовлечение посредством использования сетей телекоммуникаций, в том числе сети Интернет, вынесены в квалифицированные составы, что существенно упрощает правоприменительную деятельность.

В ст. 180 УК Кыргызской Республики, повторяющей конструкцию норм предыдущих кодексов, перечень упомянутых выше способов не детализируется [87]. Законодатель в ч. 1 ст. 180 УК использует

формулировку «любым способом», при этом акцентирует внимание лишь на возрасте субъекта преступления, указывая лишь на то вовлекателем может быть восемнадцатилетний. Квалифицирующие признаки также представлены в УК Кыргызской Республики довольно скудно. В ч. 2 ст. 180 УК говорится о родителях, педагогах либо иных лицах, на которые законом возложены обязанности заботиться о несовершеннолетнем, а ч.3 указанной статьи устанавливает более строгую ответственность за вовлечение заведомо несовершеннолетнего в организованную группу, преступную организацию либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

В Республики Молдова все составы вовлечения несовершеннолетнего в рассматриваемые действия также сосредоточены в отдельно обособленной Главе VII УК об ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних. Интересующий нас состав преступления обозначен там как вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность [94]. Как видно, в УК Молдовы действия по вовлечению детей и подростков в криминальный образ жизни, получили, пожалуй, наиболее продуманную систематизацию и детализацию.

Единственный бросающийся в глаза недостаток заключается в том, что молдавский законодатель объединил составы вовлечения в совершение преступлений вовлечения в совершение аморальных действий, и в том числе в использовании самого термина «аморальный», что на наш взгляд, весьма рискованно, учитывая отсутствие четкого определения и критериев морали в современном обществе. Во-первых, моральные установки существенно отличаются у разных социальных групп населения (взять, например, религиозный признак), во-вторых, то, что аморально не всегда противоправно и тем более представляет собой общественную опасность, а стало быть, и преступно.

Концепция защиты интересов несовершеннолетних в Республике Таджикистан, отличается тем, что имеет градацию детей и подростков на возрастные группы (здесь выделяются категории несовершеннолетний и

малолетний) [95]. Как и в УК Туркменистана «перечень способов данного вида преступного поведения здесь идентичен российскому» [71, с. 206].

Однако ст. 156 УК РТ «не содержит квалифицирующих признаков, известных российскому законодательству (например, нет повышенной ответственности в случае вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественного родителем или педагогом)» [96]. При этом, следует отметить, что «в УК РТ существует ответственность за вовлечение в занятие проституцией, и само занятие проституцией там является преступлением, ответственность за которое наступает с 16 лет (ст. 138 УК Республики Туркменистан)» [61, с. 68].

В УК Узбекистана «анализируемые нормы во многом также повторяют соответствующие положения российского законодателя» [97]. В нем выделена глава «Преступления против семьи, молодежи и нравственности», «однако в ней все нормы об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в криминальное и антиобщественное поведение объединены в одну статью – ст. 127 «Вовлечение несовершеннолетнего в антисоциальное поведение» [61, с. 69].

В ней «вовлечение в попрошайничество, употребление спиртных напитков, веществ или средств, не являющихся наркотическими или психотропными, но влияющих на интеллектуально-волевую деятельность, совершенное после применения административного взыскания за аналогичные действия» [61, с. 70] образуют основной состав преступления; вовлечение в употребление наркотиков – квалифицированный и вовлечение в совершение преступления – особо квалифицированный состав. Он в свою очередь подразделяется на подвиды, среди которых есть неизвестные законодательству других стран, но заслуживающие внимания составы вовлечения несовершеннолетнего: «б) в отношении двух или более несовершеннолетних; в) в учебных заведениях или в других местах, которые используются школьниками, студентами для проведения учебных,

спортивных или общественных мероприятий» [61, с. 73]. Обращает на себя и санкция – от пяти до десяти лет лишения свободы.

Наиболее заметно из ряда стран постсоветского пространства в анализируемом вопросе выделяется Украина. В УК Украины проблема защиты интересов семьи и несовершеннолетних не относится его к разряду значимых. В нем нет специально посвященного ему обособленного подразделения. В то же время в Разделе 12 о преступлениях против общественного порядка и общественной нравственности имеется статья 304 «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность».

В ней «сконцентрированы одновременно все формы вовлечения несовершеннолетних в криминальную и иную антисоциальную деятельность (противоправную деятельность, в пьянство, в занятие попрошайничеством, азартными играми и т.д.)» [61, с. 73]. Плюс в ч. 2 обособлен тоже общий квалифицированный состав, охватывающий своим содержанием те же действия, совершенные в отношении малолетнего или отцом, матерью, отчимом, мачехой, опекуном или попечителем, или лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию потерпевшего или забота о нем. Как видно, украинский законодатель видит в качестве объекта рассматриваемого преступления общественную нравственность [98].

В странах Балтии средства уголовно-правовой защиты интересов несовершеннолетних в исследуемом аспекте в основном схожи. Уголовная ответственность там предусмотрена в основном за вовлечение ребенка в занятие проституцией или оборот порнографии, которые сами по себе являются преступлениями (ст. 308 - 309 УК Литовской Республики) [89, с. 106].

В ст. 172 УК Латвии говорится просто о вовлечении несовершеннолетнего в преступное деяние без какой-либо детализации) [88, с. 96-98].

В ст. 202 УК Эстонии речь идет о вовлечении несовершеннолетнего в преступную деятельность или в занятие проституцией, а также об

использовании несовершеннолетнего для проституции. При этом само деяние находится в Главе «Преступления против общественного порядка и общественной безопасности» [103].

Таким образом, объединение определенных видов антисоциального поведения, то есть включение в содержание одной уголовно-правовой нормы одновременно и запрета как на вовлечение несовершеннолетнего в преступление, так и в совершение антиобщественных действий, в совершении которых может быть замешан несовершеннолетний, характерно для законодательства стран, возникших на постсоветском пространстве. Результаты анализа показывают, что в уголовном законодательстве ряда иностранных государств нормы об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступное поведение имеют достаточно последовательное и логичное строение. Этот опыт может быть учтен и рассмотрен отечественным законодателем.

Тем не менее, можно сказать, что и российская практика регламентации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления достаточно продумана и проработана и позволяет обеспечить защиту интересов подрастающего поколения в формировании полноценной личности, ориентированной на продуктивное физическое, психическое и нравственное развитие в духе непринятия криминального образа жизни. В то же время идея об обособлении норм об ответственности за преступления в отношении несовершеннолетних, посягающих на нормальное физическое и нравственное их развитие, также не лишена рационального зерна.

В частности, такой подход к законодательной регламентации исследуемых запретов мог бы позитивно отобразиться не только на единообразии в конструировании соответствующих составов преступлений и более адекватном отображении их социальной и правовой сущности в нормах уголовного закона, но и позволили бы сформировать единые подходы к уголовно-правовой оценке рассматриваемых общественно опасных деяний

в судебной и следственной практике, сориентировать правоприменителя на выработку общих критериев в толковании объективных и субъективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений, а также, формирование единой позиции в вопросах отграничения преступления, предусмотренного ст. 150 УК от смежных составов преступлений, а также от административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов, не охватываемых уголовной юрисдикцией.

Таким образом, вопрос о создании самостоятельной главы «Преступления против нормального физического и нравственного развития несовершеннолетнего» заслуживает внимания и обсуждения. Конечно, этот шаг не следует рассматривать как панацею, которая позволит резко улучшить ситуацию в деле борьбы с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность и криминальную среду. Но с точки зрения квалификации это будет целесообразно, так как для правоприменителя вопрос выбора норм уголовного закона и направление их применения станет для следователей и судей более прозрачным.

Завершая сравнительный анализ зарубежного и отечественного законодательства, позволительно сделать вывод, что проблема вовлечения в противоправные действия несовершеннолетних остается актуальной для каждой страны. Модернизация законов, реформирование уголовного права позволяет с уверенностью говорить о заинтересованности общества и внимании государственных органов к проблеме преступлений против подростков и вовлечения их в криминальное поведение и криминальный образ жизни, в частности.

Глава 2 Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ

2.1 Проблемы квалификации в зависимости от объективных признаков

Объект преступления, в том числе и для состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления является одним из важнейших элементов преступления, оснований уголовной ответственности и сложных вопросов его квалификации [34, с. 60]. Как справедливо отмечают многие авторы «проблема объекта преступления - одна из сложных и спорных в теории уголовного права» [10, с. 42]. И именно правильное определение объекта преступления, на наш взгляд, лежит в основе залога успеха в выборе наиболее верного решения при оценке совершенных преступлений.

Статья 150 УК РФ, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, расположена в разделе VII «Преступления против личности. Такое ее расположение в УК объясняется тем, что данное преступление причиняет несовершеннолетнему, прежде всего, как личности [27, с. 5].

Взрослый, при участии несовершеннолетнего в совершении преступлений «своей преступной деятельностью нарушает созданную и государственную политическую систему по осуществлению основных гарантий прав и законных интересов ребенка в Российской Федерации и посягает на интересы общества и государства в формировании и воспитании подрастающего поколения» [55, с. 29]. В духе соответствия принятым в обществе ориентирам человеческого поведения, нравственным установкам и идеалам, исключаящим поощрение криминального образа жизни и поведения, допускающего нарушение уголовно-правовых запретов или

совершение деяний, несущих в себе опасность для других членов социума, государственных или общественных институтов.

Таким образом, родовым объектом посягательств, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений следует считать совокупность общественных отношений, направленных на защиту интересов подрастающего поколения в формировании из каждого из его представителей полноценной, всесторонне развитой, социально ориентированной личности, способной вести продуктивный образ жизни, не приемлющий криминального образа поведения.

Видовым объектом принято признавать группу близких общественных отношений, взаимосвязанных с другими однородными общественными отношениями в рамках родового объекта.

Относительно видового объекта преступления, закрепленного в ст. 150 УК РФ, ученые высказывают различные мнения, которые можно объединить в две укрупненные группы. Ю.Е. Пудовочкин и ряд других авторов полагают, что его видовым объектом являются те же общественные отношения, что образуют и видовой объект группы преступлений, расположенных с ним в одной главе [50, с. 283; 55, с. 28]. Согласиться с этим мнением сложно силу ряда причин, и главная из них наличие в главе 20 УК РФ двух самостоятельных групп преступлений, с одной стороны, посягающих, по сути, исключительно на интересы несовершеннолетних, и с другой стороны, представляющих опасность для принятых в обществе семейных укладов, обеспечивающих защиту интересов одновременно всех членов семьи от преступных посягательств [27, с. 8]. Поэтому более правильной, и заслуживающей поддержки, на наш взгляд, выглядит позиция тех авторов, которые предлагают понимать под видовым объектом всех преступных посягательств, сосредоточенных в названной главе, в том числе и состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений, общественные отношения, направленные на сохранение традиционных семейных ценностей и укладов, а также обеспечение интересов семьи и

несовершеннолетних средствами уголовно-правовой защиты в комплексе [25, с. 514].

Относительно содержания непосредственного объекта рассматриваемого преступления учены также высказываются по-разному. Хотя мнения в основном различаются не столь кардинально.

Так, Г.М. Миньковский и Г.З. Брускин считали, что «непосредственным объектом преступных посягательств при вовлечении несовершеннолетнего в преступную деятельность является правильное воспитание и нормальное духовное и физическое развитие конкретного несовершеннолетнего. При вовлечении в любое преступление, снижается эффективность совместных усилий семьи, школы и общественности, направленных на воспитание подростка в духе законности и нравственных принципов нашего общества, формируется или усиливается явственная деформация личности» [81, с. 213].

«Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, – считают Б.В. Епифанов и С.И. Осмоловская – являются общественные отношения, обеспечивающие права и законные интересы несовершеннолетних, осуществление обязанностей родителей и иных лиц по их воспитанию, образованию и защите» [20, с. 115].

По мнению В.В. Палий основным непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления следует признать общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на защиту от информации, наносящей вред его нравственному и духовному развитию. Публичные институты, создавая условия для защиты еще не сформировавшегося ребенка от информации, которая может нанести реальный вред для его психики и последующего развития в целом, действительно, таким образом, обеспечивает ему возможность нормального, безопасного пути формирования полноценного члена социума [50, с. 217].

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что основным непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления наиболее верно все же считать общественные отношения по поводу создания максимально комфортных и самое главное, безопасных условий физического и психического развития несовершеннолетнего, в духе общепринятых социально-нравственных ориентиров, признания социальных ценностей и отрицания криминального образа жизни.

При характеристике непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 150 УК, многие специалисты выделяют также и дополнительный объект, который, как известно, находится в той же плоскости уголовно-правовой охраны, что и основной, но отличается тем, что посягательство на него происходит во вторую очередь, попутно с причинением вреда основному объекту. В то же время он наряду с последним также имеет статус обязательного признака состава преступления и потому имеет важное значение для квалификации преступления, предусмотренного ст. 150 УК. Это вполне логично, если учесть разнообразие способов совершения данного деяния.

В оценке названного признака ученые разделились на две группы. Одни специалисты считают, что дополнительный непосредственный объект есть как в основном составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (в ч. 1 ст. 150 УК), так и в квалифицированных его составах [20, с. 213]. Другие полагают, что о дополнительном объекте можно говорить только применительно к составам с отягчающими обстоятельствами, закрепленными в ч.ч. 2-4 ст. 150 УК [62, с. 224].

Присоединяясь к представителям второй точки зрения, отметим, что хотя в ч. 1 ст. 150 и идет речь об угрозе как способе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений, законодатель ее не конкретизирует. Отсюда точно определить ее характер невозможно. В то же время, очевидно, что в данном случае угроза не обращена к жизненно важным интересам личности. Такой вывод следует из наличия еще одной и

уже конкретизированной угрозы в составе преступления, предусмотренном ч. 3 ст. 150 УК – угрозы применения насилия.

Таким образом, более существенный вред интересам личности несовершеннолетнего может быть причинен путем применения насилия или угрозы применения насилия. В таком случае затрагиваются жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, если подросток не достиг шестнадцати лет, или половая свобода в возрастном промежутке несовершеннолетнего от шестнадцати до восемнадцати лет, если толковать термин насилие расширительно, включая в него не только различные виды причинения вреда против его воли здоровью человека, но и любое другое воздействие на организм человека [26, с. 141]. Следовательно, позволительно заключить, что дополнительный непосредственный объект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления присутствует только в квалифицированных его составах и в этом качестве выступает либо здоровье несовершеннолетнего, либо его свобода, либо честь и достоинство личности подростка.

В завершении оценки объекта преступления, предусмотренного ст. 150 УК, необходимо упомянуть и о его факультативном объекте, под которым в теории уголовного права принято понимать то общественное отношение, которому причиняется (но не обязательно) ущерб наряду с основным и дополнительным объектом в рамках одного конкретного преступления, но явственность его вытекает не непосредственно из диспозиции нормы, а из логического толкования возможных последствий анализируемого посягательства [41, с. 189]. То есть для его определения нужно ответить на о том, какую еще явную или открытую угрозу и для каких социальных ценностей, правовых благ, интересов или общественных отношений несет в себе вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Зачастую в литературе этому вопросу не уделяется достаточного внимание в силу того, что факультативный объект не является обязательным для характеристики состава преступления. Поэтому многие ученые по поводу его определения обходятся короткой фразой о том, что причинение

или угроза причинения вреда факультативному объекту при квалификации преступления, предусмотренного ст. 150 УК, значения не имеет, а стало быть, и его установление не требуется.

С таким утверждением довольно трудно согласиться, учитывая, что законодатель в качестве обязательного признака основного состава рассматриваемого преступления называет угрозу, при этом абстрагируется при описании ее содержания. Но если, используя метод исключения, не принимать во внимание угрозу применения насилия к несовершеннолетнему, то остается еще довольно внушительный перечень объектов уголовно-правовой охраны, которым можно причинить вред, используя угрозу. Например, это может быть угроза распространения сведений, порочащих несовершеннолетнего, скажем о его частной жизни, которая может причинить существенный ущерб чести и достоинству личности подростка и т.д. Все эти нюансы способны значительно повысить степень общественной опасности рассматриваемого деяния и потому должны быть учтены и при квалификации преступления, предусмотренного ст. 150 УК, и при вынесении наказания за его совершение или назначении иным мер уголовно-правового характера. Таким образом, в качестве факультативного объекта рассматриваемого преступления могут выступать честь и достоинство несовершеннолетнего, его половая свобода или половая неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни и т.д. в зависимости от избранного вовлечателем способа совершения преступного посягательства.

Наибольший интерес при характеристике объекта исследуемого преступления представляет вопрос об уточнении признаков потерпевшего. Им, исходя из того, как сформулировал диспозицию нормы законодатель, в рассматриваемом случае является несовершеннолетний мужского или женского пола. В соответствии с общепринятым представлением о несовершеннолетнем под таким субъектом понимается лицо, не достигшее возраста 18 лет на момент действий виновного по вовлечению его в преступную деятельность [108, с. 95],

Отдельные авторы трактуют понятие несовершеннолетия в ст. 150 УК РФ гораздо шире, чем уголовный закон, относя к числу потерпевших в результате данного преступления «все возрастные группы до восемнадцати лет, включая в эту категорию лиц, в том числе, и малолетних [37, с. 35], в результате чего возникает неопределенность относительно возрастных границ вовлекаемого в совершение преступления несовершеннолетнего, что может дезориентировать практику следственных органов и суда» [28, с. 132].

Мы полагаем, что наиболее адекватным и рациональным вариантом восприятия этого феномена, будет понимание под категорией «несовершеннолетние лица» в составе преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, представителей подросткового поколения, которым на момент преступного посягательства исполнилось 16 лет (а если это деяние указано в ч. 2 ст. 20 УК РФ – 14 лет), но при этом они еще не достигли восемнадцатилетнего возраста. Это можно объяснить тем, что «лица, которым еще не исполнилось четырнадцати лет по общему правилу возрастной вменяемости не являются субъектами уголовной ответственности по УК РФ, и стало быть, получается не могут совершить преступление» [107, с. 118].

В то же время, нельзя сказать, что этот момент законодатель совсем обошел своим вниманием, и привлечение совершеннолетними, то есть достигшими возраста 18 лет, к совершению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, рассматривается как отягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Несмотря на это, правоприменитель в лице судебных и следственных органов пока так и не пришел к единообразному пониманию несовершеннолетнего лица как вовлекаемого в преступление в ст. 150 УК РФ. В результате в деятельности судов наблюдается применение дискреционных подходов к толкованию данного признака и к числу несовершеннолетних зачастую причисляют лиц всех возрастных категорий в

пределах до восемнадцати лет. Конечно, суды пытаются таким образом действовать в интересах малолетних подростков. Но с юридической точки зрения и с точки зрения строгости применения уголовного закона это неправильно [53, с. 10]. Подобное толкование, по сути, является ярким примером применения норм уголовного законодательства по аналогии, что прямо и грубо, на наш взгляд, противоречит принципу законности, закреплённому в ч. 2 ст. 3 УК РФ и всей природе уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Таким образом, УК РФ (ч. 1 ст. 87) признавая несовершеннолетним лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет, и, помещая ст. 87 в главу «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», устанавливает связь статуса несовершеннолетнего с совершением преступления, что позволяет сделать вывод о том, что законодательно были закреплены возрастные критерии несовершеннолетнего как субъекта преступления.

Однако лицо, не достигшее совершеннолетия, во многих составах преступлений выступает в качестве специального потерпевшего (в рамках основного или квалифицированного состава). Его правовой статус и возрастные критерии недостаточно четко определены, тем самым вызывает вопросы: каковы возрастные критерии потерпевшего? Это лицо от 14 до 18 лет или лицо, не достигшее 18-летнего возраста [15, с. 24]?

Устранение указанной коллизии возможно путем включения в ст. 150 УК, наряду с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления, самостоятельного преступного деяния – использование лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, в совершении преступления, как это сделано в уголовном законодательстве некоторых наших зарубежных соседей. В таком случае рассматриваемая норма будет распространяться не только на вовлечение в совершение преступления подростков возрастной категории, которая способна осознавать социальную значимость, характер и общественную опасность совершаемого ими деяния, но и на тех, кто в силу

малолетнего возраста пока не в силах понять, что за деяние они совершают, насколько оно опасное и какие последствия может повлечь.

Вопросы квалификации рассматриваемого преступления по признакам объективной стороны являются, пожалуй, наиболее дискуссионными в теории и практики применения ст. 150 УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, имеет сложную структуру, которая помимо деяния, состоящего из вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, включает еще и способ совершения преступления, представленный несколькими видами, подразумевающими достижение результата посредством использования угроз, обещаний, обмана и т.п.

Вовлекать – означает «привлекать, втягивать, затягивать, завлекать, «встраивать» во что-либо». Отсюда под вовлечением следует понимать действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания участвовать в совершении преступления (одного или нескольких) [36, с. 518].

В литературе справедливо отмечают, что, один лишь факт соучастия в преступлении с несовершеннолетним еще не указывает на наличие в деянии признаков преступления, предусмотренного ст. 150. Хотя, как мы уже отмечали ранее, именно так толкуют аналогичный запрет законодатели некоторых зарубежных стран [71, с. 205].

Кроме того, ответственность за вовлечение в преступление путем бездействия исключена. Вместе с тем в ряде случаев пассивное поведение взрослых лиц, являющихся воспитателями или родителями, а также иных лиц, на которых законом возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетних, не препятствующих преступной деятельности несовершеннолетних, представляет не меньшую общественную опасность, чем активные действия. В науке предлагалось проблему привлечения к ответственности за бездействие, приведшее к преступлению несовершеннолетнего, решать с позиций учения о попустительстве преступлениям [44, с. 1].

Вовлечение подростка в общественно опасное деяние реализуется одним из способов, указанных в статье: обещания, обмана, угрозы и т.п. В случае обвинения лица в вовлечении несовершеннолетнего в преступление в процессуальных документах, в том числе в приговоре, должен быть указан примененный виновным способ вовлечения [14, с. 255].

Обещание – это «принятие на себя взрослым какого-либо обязательства перед несовершеннолетним, уверение в том, что он совершит в интересах вовлекаемого лица какие-либо выгодные для него действия (либо воздержится от действий)» [14, с. 256].

Так, приговором Камышинского городского суда Волгоградской области двадцатидвухлетний К. осужден за вовлечение несовершеннолетнего З., в совершение преступлений, предусмотренных п. «а», «б» ч. 2 ст. 158, п. «а» ч.2 ст. 158, п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ. Реализуя свой преступный умысел, направленный на вовлечение несовершеннолетнего З. в совершение преступления, он, являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, сообщил о своих преступных намерениях несовершеннолетнему З. и уговорил его совершить преступление совместно, пообещав З. выгоду от реализации похищенного, выразившуюся в последующем совместном распитии спиртного на денежные средства, полученные от реализации похищенного имущества. Тем самым, К. путем обещаний вовлек заведомо не достигшего восемнадцатилетнего возраста З. в преступную группу с целью совершения тайного хищения электрической лобзиковой пилы, общей стоимостью 500 рублей, принадлежащей Н., возбудив у несовершеннолетнего З. корыстную заинтересованность [75].

Обман связан с «введением несовершеннолетнего в заблуждение путем передачи не соответствующей действительности информации или умолчания о различных фактах, вещах, явлениях действительности с целью склонить определенное лицо к совершению преступления» [80, с. 225].

Для квалификации «действий взрослого по ст. 150 УК РФ не имеет значения факт осознания несовершеннолетним преступности совершаемых

действий. Вместе с тем все действия по вовлечению должны носить общий характер, преследовать цель возбуждения у другого лица желания совершить конкретное противоправное деяние, что не всегда возможно достигнуть путем обмана» [73, с. 82].

Некоторые авторы считают, что «при обмане можно говорить лишь о единственно возможном в данной ситуации посредственном исполнении преступления, поскольку виновный использует обманутое лицо для реализации своей преступной цели, т.е. в качестве средства совершения преступления» [72, с. 487].

Обман как способ вовлечения может иметь место только в том случае, когда «вовлекаемое лицо, осознавая факт совершения им общественно опасного деяния, вводится в заблуждение лишь относительно тех обстоятельств, которые не связаны непосредственно с признаками состава преступления (например, обман в сумме вознаграждения за совершенное деяние)» [111, с. 41].

Так, приговором Палласовского районного суда Волгоградской области Ж. осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 ст.150, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ. Подсудимый Ж., достоверно зная о несовершеннолетнем возрасте подсудимого Б., умышленно вовлек его в совершение тяжкого преступления. Об этом свидетельствуют показания самого подсудимого Ж., которые он дал в ходе предварительного следствия и показания подсудимого Б. в части осведомленности Ж. о его несовершеннолетнем возрасте. Действия Ж., а именно указания Б. места произрастания дикорастущей конопли, совместное с Б. приготовление наркотикосодержащего средства, телефонная договоренность с Ч. о сбыте наркотического вещества, дают суду основания сделать вывод о том, что Ж., путем обещания получения денег в сумме 3000 рублей, ввел в заблуждение Б. относительно того, что Б. не подлежит уголовной ответственности за совершение преступления, вовлек несовершеннолетнего Б. в совершение тяжкого преступления. Суд квалифицировал действия Ж. по ч. 4 ст.150 УК

РФ как вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого преступления путем обещаний, обмана, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста [74].

Угрозы могут быть самыми разнообразными. Они могут выразиться в высказывании взрослым угрозы «прекратить дружбу, выселить из квартиры, уничтожить имущество, не давать больше в долг денег, разгласить компрометирующие сведения и т.д.» [79, с. 312].

Но «если несовершеннолетнему угрожают насилем, то налицо уже квалифицированный вид вовлечения (ч. 3 ст. 150)» [39, с. 31].

К иным способам практика относит уговоры, лесть, уверения в том, что несовершеннолетнему ничего не будет за такого рода деяния по закону в силу недостижения возраста уголовной ответственности, подкуп, возбуждение чувства мести, зависти, дачу совета о месте и способах совершения или сокрытия следов преступления и т.д. [38, с. 55].

Анализ статьи 150 УК РФ и перечня способов совершения преступления, говорит о том, что прописанный в ч. 1 признак «угроза» «исключает угрозу применения насилия, а понятие «иные средства» не распространяется на применение насилия, которое закреплено в части. 3 статьи. 150 УК РФ. При этом характеристики насилия (физического или психического) отсутствуют, но очевидно, что речь идет именно о применении или угрозе применения физического насилия. Сама угроза является формой психического насилия. Так, в части 1 ст. 150 УК РФ речь идет о ненасильственном способе физического воздействия и о различных способах (насильственного и ненасильственного) психического воздействия, исключая угрозу физического насилия. Это показывает, что законодатель недооценивает степень общественной опасности психического насилия над личностью несовершеннолетнего как средства совершения преступления» [70, с. 114].

Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости изменения действующего уголовного закона. С целью его оптимизации требуется

исключение указания на угрозу как способ совершения основного состава вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность из диспозиции ч. 1 статьи 150 УК РФ, так как основу привлечения к уголовной ответственности за рассматриваемое преступление по ч. 1 ст. 150 УК может составлять исключительно ненасильственное психическое или физическое воздействие на несовершеннолетнего участника преступления, если оно состоялось.

По конструкции объективной стороны состав преступления является формальным. Поэтому деяние следует считать оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление.

В практике применения норм, криминализирующих вовлечение подростков в преступную деятельность, существуют определенные проблемы, обусловленные разночтениями в толковании термина «вовлечение», а также в установлении момента окончания преступления, предусмотренного ст. 150 УК.

Пленум Верховного Суда в Постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» по-новому определил состав исследуемых преступлений. Как разъяснено в данном документе, преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 150 УК РФ, является оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного действий, образующих объективную сторону какого-либо преступного посягательства.

Такой вариант интерпретации содержания ст. 150 УК сформировался во многом благодаря отсутствию официального толкования термина «вовлечение», употребляемого разработчиками УК в диспозиции рассматриваемой нормы [40, с. 521]. Получается, что хотя состав вовлечения

несовершеннолетнего в преступную деятельность и сконструирован по типу формального, суть деяния заключается в результативном действии, что означает необходимость достижения результата в виде совершения подростком какого-либо преступления или покушения на него для признания вовлечения оконченным. Этот результат в данном случае, по сути, расценивается не как элемент деяния, а как, хотя и не имеющее материального выражения, но последствие, что не совсем правильно, поскольку

Тем не менее, на наш взгляд, любые действия взрослого по вовлечению подростка в преступную деятельность уже сами по себе несут серьезную угрозу интересам его нормального развития и воспитания, а, следовательно, и достаточную общественную опасность. Думается, применительно к рассматриваемой ситуации достаточно самого факта попытки оказать влияние на несформировавшийся менталитет несовершеннолетнего, поскольку этого, порой, может оказаться достаточно для перестроения системы ценностей ребенка с нормальной на криминальную.

Кроме того у данной концепции есть и вполне аргументированное правовое обоснование. Во-первых, он более удачно согласуется с общепринятой концепцией вины в уголовном праве, согласно которой преступления с формальным составом могут быть совершены только с прямым умыслом, в то время как преступления, имеющие материальную конструкцию предполагают возможность совершения их как прямым, так и с косвенным умыслом (ч. 2 ст. 24 УК РФ). В связи с этим уместным является пояснение, содержащееся в п. 42 названного Постановления: «К уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий могут быть привлечены лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста и совершившие преступление умышленно. Судам необходимо устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в

совершение преступления. Если взрослый не осознавал этого, то он не может привлекаться к ответственности по ст. 150 УК РФ» [52].

Во-вторых, в правоприменительной деятельности ранее прослеживалась четкая тенденция к восприятию рассматриваемого состава преступления как формального. При этом следствие и суды при принятии решений, в которых отображается официальная правовая оценка содеянного, практически никогда не применяли ранее одновременно со ст. 150 УК РФ, соответствующие положения ст. 30 УК РФ о неоконченном преступлении.

Считалось, что если вовлекателю удалось хотя бы заключить устное соглашение с несовершеннолетним на реализацию преступного умысла и договориться о совершении преступного посягательства, то его действия можно расценивать как приготовление к «основному» преступлению, что означает наличие всех обязательных признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. А значит, в таком случае речь идет уже об оконченом преступлении [38, с. 2].

То есть факт оконченоности преступного вовлечения подростка в преступление определялся исключительно исходя из содержательного наполнения действий взрослого, вне зависимости от того, как отреагирует на его призыв или угрозу и т.д. вовлекаемый, откликнется ли он на его действия или нет.

Теперь же такая квалификация – в рамках положений института стадийности стала официально возможной, на что прямо указывается в Постановлении: «Если последствия, предусмотренные диспозициями названных норм, не наступили по независящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по части 3 статьи 30 УК РФ и по статье 150 УК РФ» [52]. Из этого вытекает, что если в результате попытки взрослого лица, убедить поучаствовать в совершении преступления несовершеннолетнего, последний отказывается сделать выполнить просьбу или отреагировать на уговор, либо поддаться угрозе и

т.д., то действия виновного будут образовывать покушение на преступление, предусмотренное ст. 150 УК, или как приготовление к нему.

Надо сказать, что в приговорах по уголовным делам рассматриваемой категории в основном речь идет лишь об окончанных преступлениях (более 90%). Поэтому наибольшую актуальность с точки зрения теории и практики применения норм об ответственности за преступления, предусмотренные ст. 150 УК, приобретает вопрос не о моменте окончания деяния, а о его содержании, и прежде всего о толковании действий по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления и о его формах [59, с. 161]. В какой-то степени на этот вопрос имеется ответ в названном выше Постановлении Пленума Верховного суда, в котором говорится, что «под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иных действий» [36, с. 24].

Может показаться, что речь идет о подстрекательстве. Но «это – только одна из возможных форм совместной преступной деятельности взрослых и несовершеннолетних» [23, с. 68]. Представляется верной точка зрения, согласно которой «для квалификации по ст. 150 УК РФ не имеет значения, в каком качестве в совершение умышленного преступления вовлекается несовершеннолетний – в качестве исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, а также в какую стадию неоконченного преступления: в приготовление или покушение.

Таким образом, необходимо конкретизировать, какой вид может иметь совместное с несовершеннолетним совершение общественно опасного деяния для признания, его самостоятельным преступлением, предусмотренным ст. 150 УК РФ» [38, с. 4].

Если же взрослый выступает организатором или подстрекателем преступления, то в этом случае налицо и состав вовлечения. В таких ситуациях «имеет место совокупность двух преступлений: «основного» и предусмотренного в ст. 150 УК РФ. Однако Пленум связывает квалификацию вовлечения только с подстрекательством (абз. 6 п. 42). Но возникает вопрос: как квалифицировать действия организатора, руководившего, например, группой, в которую входили несовершеннолетние, знавшего об этом и желавшего их использовать, но лично не подстрекавшего их, отдавая распоряжения по иерархии» [73, с. 82].

Как представляется, в подобной ситуации уголовно-правовая оценка должна быть дана по ст. 150 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ, т.е. как организацию вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

Когда «несовершеннолетний и взрослый действуют как соисполнители «основного» преступления, действия взрослого следует дополнительно квалифицировать по ст. 150 УК РФ при наличии любой инициативы с его стороны в совершении преступления, выразившейся в предложении уговорах, обозначенной конклюдентными действиями и т.п., а также при принуждении несовершеннолетнего» [18, с. 26]. Еще недавно практика по данному вопросу была противоречива. Зачастую суды считали доказанный факт простого предложения совершить преступление недостаточным для вменения состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (даже со ссылкой на ст. 33 УК РФ). В одном из приговоров было представлено такое заключение: «...Совершеннолетний К., вовлекая несовершеннолетнего Н. в совершение преступления, не оказывал на него давления путем угроз, насилия, следовательно, его действия не могут быть квалифицированы по ст. 150 УК РФ» [54, с. 5]. Теперь такой подход невозможен – «даже простое предложение, имевшее результатом совершение несовершеннолетним преступных действий, необходимо признавать преступлением по ст. 150 УК РФ, не достигшее такого результата - как покушение на это преступление. Это должно коренным образом отразиться на практике вынесения судебных

решений. По данным изученных нами уголовных дел в более чем 70% случаев именно «предложение» явилось установленным способом вовлечения. Возможны ситуации, когда установлены пособнические действия взрослого несовершеннолетнему, что укрепляет желание и решимость совершить преступление, дополнительно побуждает и отрицательно воздействует на последнего. По сути, это является видом вовлечения в совершение преступления, если отсутствует физическое или психическое воздействие на взрослого со стороны самого несовершеннолетнего. В случае если под влиянием взрослого подросток совершает уголовно наказуемое деяние, действия взрослого квалифицируются по совокупности ст. 150 и статей, которые предусматривают ответственность за соучастие (в форме подстрекательства) в совершенном подростком преступлении [65, с. 57].

В случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения [7, с. 56]. Так как в законе речь идет о вовлечении в преступление, то необходимо установить, в совершение какого именно деяния, вовлекался несовершеннолетний.

Завершая анализ объективных признаков состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений позволительно заключить, что его формальная конструкция указывает на момент окончания деяния, который неправильно связывать с обязательным проявлением результата действий вовлекателя в виде совершения подростком преступления. Достаточно совершения взрослым самих действий нацеленных на этот результат.

2.2 Проблемы квалификации в зависимости от субъективных признаков

Субъективную сторону вовлечения несовершеннолетнего в преступление образуют три элемента: вина в форме умысла, мотив и цель.

По общему правилу, «под субъективной стороной преступления в науке уголовного права понимают психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления» [41, с. 114]. К признакам, образующим субъективную сторону преступления, относятся вина, мотив и цель преступления.

Основным и обязательным признаком субъективной стороны преступления является вина. Без вины не может быть состава преступления. Об этом свидетельствует принцип вины в уголовном праве – «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» (ч.1 ст.5 УК РФ).

Говоря о вине в составе вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, большинство ученых склоняются к мнению, что это – умышленное преступление [4, с. 299]. Подтверждением тому выступает и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1, в п. 42 которого говорится, что к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления может быть привлечено лицо, совершившее преступление умышленно.

Дискуссию в уголовно-правовой теории вызывает вопрос о виде умысла при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. Так, некоторые специалисты, говоря о субъективной стороне рассматриваемого преступления, полагают, что: «по отношению к вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность возможен только прямой умысел. Виновный в данном случае сознает общественно опасный характер своего действия, предвидит причинение существенного

вреда общественному порядку и желает наступления этих последствий» [12, с. 47]. Приверженцы иной точки зрения утверждают, что: «если интеллектуальный момент умысла характеризуется достоверным или предположительным знанием виновного о несовершеннолетии вовлекаемого и если, сознавая это, он все же склоняет или подготавливает подростка к совершению преступления, то волевой момент умысла заключается в желании вовлечь несовершеннолетнего в преступную деятельность» [16, с. 24]. Как видно, позиции разнятся только в восприятии волевого отношения виновного к содеянному, причем, сама эта разница обусловлена тем, какой авторы видят конструкцию объективной стороны данного преступления. Первый считает, что состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления – материальный, и соответственно связывает содержание желания виновного в структуре вины с наступлением последствий, в то время как другой ученый, придерживающийся традиционного взгляда на анализируемый состав преступления как формальный, справедливо акцентирует внимание на желании совершить деяние.

Отдельные ученые считают, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления возможно с прямым и косвенным умыслом [17, с. 163]. Другие полагают, что «наличие косвенного умысла объясняется переносом такого его элемента как допущение с последствий на само деяние, если авторы рассматривают состав вовлечения как формальный, либо в случае признания состава материальным допускается возможность не желания, но сознательного допущения последствий в виде совершения преступления несовершеннолетним» [2, с. 121] и т.д.

При квалификации рассматриваемого преступления по признакам субъективной стороны, и в частности, вины, следует исходить из того, что содержание этих признаков находится в прямой зависимости от объективно совершаемых преступником действий. При этом признаки объективной стороны и субъективной стороны должно в полной мере коррелировать друг

другу, что является залогом правильной квалификации преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. И именно с этой корреляцией необходимо связывать определение момента окончания преступления. Так как сам законодатель не включил в объективную сторону анализируемого деяния последствия, то правоприменитель не вправе додумывать их как обязательное условие привлечения к уголовной ответственности по собственному усмотрению при оценке конкретных случаев совершения такого рода посягательств. Он вправе ориентироваться исключительно на ту формулу, которую законодатель закрепил в ст. 150 УК РФ, то есть на формальную конструкцию данного состава преступления и на деяние как на основной признак его объективной стороны. Стало быть, и осознание, и желание как элементы субъективного восприятия содеянного виновным при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ допустимо устанавливать лишь исходя из психического отношения к действию, и из понимания субъектом преступления общественной опасности содеянного.

При этом, пожалуй, ключевой вопрос, на который нужно ответить следователю и суду при оценке содеянного взрослым вовлекателем – понимал ли он, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления. Эту обязанность закрепляет и п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1. Характер и объем осознания виновным факта несовершеннолетия вовлекаемого подлежит выяснению в ходе предварительного следствия и в судебном заседании.

В науке определилось несколько подходов в решении указанного вопроса. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 16 от 03.12.1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» в п. 9 указывал, что уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность наступает «как при осведомленности взрослого о

несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица, так и в тех случаях, когда по обстоятельствам дела он мог и должен был предвидеть это. Решая указанные вопросы, суды должны учитывать не только показания самого обвиняемого, но и тщательно проверять их соответствие всем конкретным обстоятельствам дела. Основываясь на этой рекомендации, значительная часть отечественных ученых признавали возможность квалификации по ст. 210 УК РСФСР (ст. 150 УК РФ) действий виновного при любой степени осознания им возраста вовлекаемого лица.

Так, одни теоретики полагают, что ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления должна наступать в тех случаях, «когда взрослый знал, не знал, но допускал или мог и должен был предвидеть несовершеннолетие вовлекаемого лица» [41, с. 2]. Другие ученые также допускают «возможность не только умысла в отношении возраста, но и неосторожности в виде преступной небрежности, когда взрослый не предвидел, что вовлекает несовершеннолетнего, хотя должен был и мог предвидеть» [1, с. 17]. Третьи считают, что в данном случае речь идет не «о небрежности, а о косвенном умысле, так как вовлекатель относится к возрасту безразлично и никто не возлагал на него обязанности проверять возраст вовлекаемого» [35, с. 481]. Аналогичным образом представители еще одной позиции указывают, что «для квалификации вовлечения в преступную деятельность необходимо установить, что взрослый знал или предвидел несовершеннолетие вовлекаемого» [5, с. 162].

Однако современное представление о содержательном наполнении вины рассматриваемого деяния в плане восприятия виновным возраста вовлекаемого в большей степени ориентируется на официальную правовую позицию Верховного Суда РФ, который в Постановлении Пленума от 1 февраля 2011 г. № 1, в п.42 дал вполне категоричное разъяснение на этот счет – если взрослый не осознавал несовершеннолетие вовлекаемого лица, он не может привлекаться к ответственности по ст. 150 УК РФ. Данное положение поддерживало и предыдущее Постановление Пленума Верховного Суда РФ

от 14 февраля 2000 года № 7, запретившее квалифицировать действия лица по ст. 150 УК РФ, если виновный полагал, что вовлекаемый является совершеннолетним.

Как показывает практика, установить достоверное знание взрослого лица о возрасте несовершеннолетнего вызывает определенные трудности. Однако в некоторых случаях взрослое лицо может предвидеть возраст несовершеннолетнего, или догадаться о нем. Об этом может сказать степень знакомства и характер взаимоотношений между вовлекателем и вовлекаемым. Примером может служить уголовное дело Советского районного суда г. Томска, при изучении которого мы обнаружили факт осведомленности взрослого лица о том, что вовлекаемое им лицо проживало в детском доме. Нахождение ребенка в детском доме явно свидетельствует о том, что последний не достиг возраста восемнадцати лет, что и должен был осознавать, предвидеть вовлекатель.

Еще одна проблема состоит в том, что в некоторых случаях установить возраст несовершеннолетнего вовлекателю не представляется возможным. Речь идет о следующем:

- несовершеннолетние лица зачастую выглядят старше своего возраста, что особенно свойственно для лиц женского пола;
- для несовершеннолетних лиц характерным является возникновение чувства взрослости, когда подросток предпринимает попытки выглядеть значительно в глазах окружающих, т.е. для них характерным является завышение своего настоящего возраста, приводя взрослых лиц в заблуждение;
- когда вовлекатель и несовершеннолетний являются малознакомыми, в данном случае взрослый располагает минимальными сведениями о вовлекаемом им лице, т.е. отсутствуют какие-либо знания взрослого лица о личности вовлекаемого (место учебы, место жительства и т.д.).

Как уже было сказано ранее, степень знакомства может свидетельствовать об осведомленности взрослого лица о возрасте несовершеннолетнего. Мы делим степени знакомства людей на знакомых, малознакомых и незнакомых. Таким образом, знакомый представляет собой человека, с которым состояли в знакомстве, о ком знали раньше; малознакомый – недостаточно, плохо знакомый человек; незнакомый – не принадлежащий к числу знакомых людей, не состоящий в знакомстве с кем-либо.

Так, на основании изученных в ходе исследования приговоров и решений судов апелляционной и кассационной инстанций, размещенных в свободном доступе в автоматизированной системе ГАС РФ «Правосудие», можно сделать вывод, что в большинстве количестве случаев (52%) вовлекатель и несовершеннолетний приходятся друг другу малознакомыми. Из этого следует, что взрослое лицо из известных ему сведений о несовершеннолетнем (месте учебы, его окружении и т.д.) могло предвидеть несовершеннолетний возраст вовлекаемого лица. В 28% случаев вовлекатель и несовершеннолетний были ранее знакомы, находились в приятельских отношениях, в данном случае взрослое лицо достоверно знало возраст вовлекаемого лица. Наименьший удельный вес (20%) составляют незнакомые ранее вовлекатель и вовлекаемый, т.е. взрослое лицо не располагало какими-либо сведениями о несовершеннолетнем.

Нельзя также обойти вниманием вопрос о том, что вовлечение малолетних подростков в криминальную среду и совершение преступлений представляет более высокую социальную опасность, чем аналогичные деяния, совершаемые в отношении несовершеннолетних более старшей возрастной категории. Это признают не только отечественные специалисты. Об этом много говорится в зарубежной литературе, посвященной проблемам ювенальной преступности и вовлечения несовершеннолетних в криминальную среду [117, с. 22; 118, с. 90]. Во-первых, на детей младших возрастов гораздо легче воздействовать с учетом пока еще не

сформировавшейся психики и не укрепившегося личностного «Я». Они, как считают психологи, более податливы и управляемы [114, с. 191]. Во-вторых, как показывает опыт не только российских, но и зарубежных исследований в области детской и социальной психологии, малолетние дети, как правило, не способны правильно и адекватно оценивать как фактически совершаемые с ними действия, так и собственные действия с точки зрения их допустимости, законности и т.д. [115, с. 134].

Таким образом, вовлечение малолетних в совершение преступления, несомненно, отличается повышенной общественной опасностью, в том числе и потому, что в этом возрасте психику ребенка гораздо легче сломать, и ребенку всегда труднее оправляться после такого рода актов губительного воздействия на формирующуюся психику [116, с. 84]. Тем не менее, данное обстоятельство, на наш взгляд, не требует дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление по признаку возраста потерпевшего на уровне выделения в ст. 150 УК дополнительного пункта или части. Думается применительно к данному случаю достаточно воспользоваться механизмом дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, заложенными в нормах Общей части УК, то есть учитывать данный возраст при назначении наказания.

Проанализировав вину как признак субъективной стороны преступления, необходимо дать характеристику мотиву и целям совершения преступления ст. 150 УК РФ. Под мотивом преступления в доктрине уголовного права принято понимать «обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствовалось при совершении преступления» [21, с. 186]. Мотив выражает потребности личности, и наиболее очевидно свидетельствуют о степени деформации нравственных, правовых и иных ценностей общества, которые в рассматриваемом составе преступления имеют особое содержание.

По мнению К.К. Сперанского, в основе мотивов лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, лежат либо гипертрофированные потребности, либо такие социально-негативные потребности, как пьянство, разгульный образ жизни и т.д. [69, с. 26].

Мы считаем, что мотивом лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, является проявление своего аморального «Я», посредством использования несовершеннолетнего для реализации своих преступных планов. В большей степени случаи вовлечения взрослыми в совершение преступных действий несовершеннолетних связаны с желанием первых облегчить реализацию собственного преступного умысла, а также ответственность для себя в случае возникновения непредвиденного хода развития событий при совершении преступного деяния. При этом, как правило, несовершеннолетних привлекают для выполнения как раз тех действий, которые образуют объективную сторону преступления.

Под целью преступления понимают мысленную модель будущего результата, к достижению которой стремится лицо при совершении преступления. При вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления взрослое лицо преследует цель удовлетворения своих низменных потребностей, различными способами добиваясь возбуждения желания у несовершеннолетнего лица совершить преступление, в силу возраста который может не осознавать общественно опасный характер этих действий, совершенных как самостоятельно, так и совместно. Так, совершая наиболее частое преступление, в которое вовлекаются несовершеннолетние – кражу, вовлечатель преследует корыстную цель, то есть цель незаконного обогащения, с помощью подростка [56, с. 90].

Зачастую также конкретные проявления анализируемого преступного посягательства на практике представляют собой форму использования несовершеннолетнего для достижения собственных преступных целей [66, с. 22]. Так, из показаний несовершеннолетнего подсудимого ... Д.А. следует, что М.В. Луговой попросил его заказать наркотическое средство.

При этом с целью совершения этого преступления М.В. Луговой вставил в телефон ... Д.А. свою сим-карту с возможностью выхода в сеть «Интернет», а также предоставил деньги для покупки наркотического средства в сумме, значительно превышающей сумму денег, которой располагал ... Д.А. При этом за участие в приобретении наркотического средства М.В. Луговой пообещал поделиться этим наркотическим средством с ... Д.А., что и обусловило согласие последнего на участие в совершении преступления [113]. По таким же причинам, чтобы не выступать исполнителем преступления самому взрослые вовлекают несовершеннолетних и в совершение краж, грабежей и т.д.

Субъект преступления давно вошел в научный оборот и закрепился как один из определяющих элементов состава преступления термин «субъект преступления» [58, с. 287]. В статье 150 УК РФ, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, используется термин «лицо».

Не подвергается сомнению положение о том, что ответственным за свои поступки может быть только физическое лицо, обладающее определенным уровнем развития сознания и свободной воли [8, с. 232]. Только при наличии этих условий можно говорить о том, что лицо может правильно осознавать фактический характер и социальный смысл своих действий, предвидеть их последствия, руководить своими действиями, руководствоваться в своих действиях нормами нравственности и права. Только в отношении лиц, обладающих этой способностью, возможны и целесообразны меры уголовной ответственности [33, с. 187].

В соответствии со ст. 19 УК РФ, «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом» [32, с. 48]. Неотъемлемыми признаками субъекта преступления являются вменяемость и возраст. Так, субъектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления является лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Исходя из восемнадцатилетнего возраста

субъекта данного преступления, следует отметить спорный в науке вопрос, связанный с возможностью соучастия лиц, не достигших совершеннолетия, в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления [67, с. 138].

Н.В. Иванцова считает, что субъект преступления, указанного в ст. 150 УК РФ, является специальным (по признаку возраста). Автор пишет, что «лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, но не имеющее необходимых признаков специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, не может быть признано исполнителем (соисполнителем) этого преступления, но может выполнять роль подстрекателя, пособника или организатора, и его действия следует квалифицировать с указанием выполненной роли» [22, с. 90].

Иного мнения придерживается Ю.Е. Пудовочкин, считающий, что «состав соучастия в преступлении – это состав, который обладает специфическими, указанными в Общей части УК признаками, дополнительно к признакам, указанным в диспозиции статьи Особенной части. В ст. 150 же прямо сказано о восемнадцатилетнем возрасте субъекта. Возраст в данном случае – не специальный признак субъекта, а основной, обязательный, которым должен обладать любой участвующий в преступлении человек, независимо от выполняемой им роли» [55, с. 36].

Тем не менее, более предпочтительной в данном споре выглядит мнение Н.В. Иванцовой о том, что в данном случае мы имеем дело со специальным субъектом. Если учитывать, что под специальным субъектом преступления доктрина уголовного права понимает лицо, обладающее наряду с вменяемостью и возрастом уголовной ответственности, такими признаками, в силу наличия которых то или иное преступление может быть совершено только ограниченным кругом лиц, то здесь, как раз именно возраст субъекта, и выступает в качестве такого критерия. Иначе говоря, достижение возраста восемнадцати лет или взрослость в ст. 150 УК РФ следует расценивать не иначе как указание на специальный субъект этого преступления.

Говоря о возрасте субъекта анализируемого преступления, следует отметить, что в предыдущем Уголовном кодексе РСФСР в ст. 210 не предусматривался восемнадцатилетний возраст лица, совершившего преступление. Однако указание на возраст субъекта содержалось в Постановлении Пленума Верховного Суда от 3 декабря 1976 г. № 16 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность», в котором говорилось, что «по ст. 210 УК РСФСР могут быть квалифицированы лишь действия лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста» [9, с. 291].

Как показывают результаты выборочного изучения нами 70 приговоров по уголовным делам, размещенным в системе ГАС «Правосудие», возраст виновного при вовлечении зачастую немногим превосходит возраст несовершеннолетнего вовлекаемого. Разница в возрасте между вовлекателем и несовершеннолетним в 40% случаев не превышает трех лет. В 28% случаев субъектами преступления являются лица в возрасте 21-24 лет; 20% составляют лица 24-30 лет; и меньше всех составила возрастная категория 30-40 лет – 12%. Примерно такие же данные приводятся и в криминологических исследованиях по смежной проблематике [1, с. 17; 15, с. 63].

Часто встречающийся на практике небольшой зазор в возрастных характеристиках вовлекателя и вовлекаемого в совершение преступления дает основание некоторым ученым делать довольно интересные выводы по поводу правовой оценки содеянного. Имеются в виду прежде всего случаи, когда субъект преступления, являясь ненамного старше своего товарища, формально достигает 18-летнего возраста быстрее на несколько месяцев и при этом выступает подстрекателем к совершению преступления второго. Некоторые ученые считают недопустимым квалифицировать такие казусы как преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ [61, с. 150].

При этом многие теоретики указывают, что «обязательной предпосылкой ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления является превосходство в возрасте [24, с. 22], а потому двадцатилетнего вовлекателя можно привлечь к ответственности лишь в случае совершения им преступления в отношении 13-14-летнего несовершеннолетнего» [6, с. 124].

Другие ученые полагают, что в случае небольшого разрыва в возрасте взрослого и вовлеченного, и их примерно одинакового развития может быть вполне достаточным применение мер, заменяющих уголовное наказание [45, с. 124].

Думается, небольшая разница в возрасте между виновным и потерпевшим казуально может и будет сказываться в отдельных ситуациях, но будет иметь такое значение далеко не всегда. К тому же с точки зрения критериев криминализации рассматриваемого деяния, так же как и с собственно юридической точки зрения, в данном случае играет роль не возрастной зазор как таковой, а разница в психическом и физиологическом развитии, в системе жизненных ориентиров и установок, в степени сформированности стереотипов поведения и т.д. [106, с. 238]. Поэтому незначительность разницы в возрасте между вовлекателем и вовлекаемым не должна иметь принципиального значения при квалификации рассматриваемых преступлений, хотя это не исключает учет его в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказания.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления – это преступление, совершаемое специальным субъектом, т.е. лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Квалификация вовлечения как преступного деяния является возможной только в случае совершения преступления с прямым умыслом. Незнание возраста несовершеннолетнего при вовлечении квалифицируются по ч. 3 ст. 30 УК РФ, т.е. как покушение на преступление.

Глава 3 Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ч.ч. 2-4 ст. 150 УК РФ

3.1 Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ

Квалифицирующим обстоятельством в ч. 2 ст. 150 признается совершение деяния лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. К таковым закон относит:

- родителей;
- педагогов;
- иных лиц, на которые законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

Норма носит отсылочный характер, «адресуя правоприменителя к законодательным актам, предусматривающим возложение на определенных лиц обязанностей по воспитанию детей. Такое возложение регламентируется Семейным кодексом РФ [64], Законом РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании», Примерным положением о специализированном учреждении для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, и т.д. Согласно этим актам к иным лицам следует относить усыновителей, опекунов, воспитателей и т.д.» [72, с. 191].

Под родителями как субъектами данного преступления понимаются отец и мать. Вклад родителей в воспитание детей бесценен, от него в большей мере определяется жизненный ориентир ребенка. Однако влияние семьи на личность может носить как позитивный, так и негативный характер. Негативное влияние семьи на личность обусловлено, во-первых, тем, что семья является сферой негативной социализации личности [29, с. 19]. В криминологии этот процесс называют «семейной десоциализацией» [51, с. 25]. Ведя зачастую асоциальный образ жизни, родители подают дурной пример своим детям, формируют у них негативные стандарты

поведения, носящие неблагоприятный характер для нравственного формирования личности [30, с. 9].

Следует отметить, что ответственность по ч. 2 ст. 150 УК РФ наступает только в том случае, если родители или лица их заменяющие, вовлекают в совершение преступления своих детей и воспитанников. Педагогическим работником в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» является физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности. Как справедливо отмечает Н.П. Шевченко «лица, занимающиеся обучением и воспитанием детей, реализуют высокие моральные обязанности перед государством, поскольку всякий, кто взял на себя труд воспитателя, обязан выполнять определенные моральные предписания и требования, руководствуясь чувством педагогического долга» [112, с. 143]. При этом следует иметь в виду, что «уголовная ответственность указанных сотрудников наступает по ч. 2 ст. 150 УК РФ независимо от того, является ли несовершеннолетний вовлекаемый их учеником, воспитанником или нет. Совершение преступлений против интересов несовершеннолетних является несовместимым с их дальнейшим пребыванием в должности воспитателей» [68, с. 104]. Исходя из этого, уголовный закон предусматривает возможность применения к ним дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Мы считаем, что в тех случаях, когда суд не применяет дополнительного наказания, администрация образовательного или воспитательного учреждения или организации обязана воспользоваться п. 8 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ, содержащей право расторжения трудового договора по инициативе работодателя, в случаях «совершения работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка,

несовместимого с продолжением данной работы». Причем, это положение, как считают некоторые авторы, нужно закрепить законодательно [46, с. 61].

Уголовный кодекс в качестве субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ указывает «иных лиц, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего». Таким образом, перечень иных лиц, несущих ответственность по ч. 2 ст. 150 УК РФ, является открытым, но в то же время ограниченным наличием возложенной законом обязанности на этих лиц воспитывать несовершеннолетних. К иным лицам, на которых законом возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетних, Ю.Е. Пудовочкин относит сотрудников воспитательных колоний, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учебно-воспитательных и лечебно-воспитательных учреждений и др. [53, с. 8].

Мы полагаем, что объективно круг лиц, которые должны отвечать за вовлечение несовершеннолетних, в УК должен быть расширен. С этим согласны многие представители уголовно-правовой науки, поскольку как опека, так и попечительство тоже заключаются в содержании и воспитании ребенка, защите его прав и интересов [3, с. 161]. К.А. Волков считает, что в данном случае «уголовная ответственность выполняет контрольную функцию над лицами, назначенными опекунами и попечителями, в целях злоупотребления ими своими правами в отношении несовершеннолетних» [11, с. 6].

Но мы полагаем, что в данном вопросе нужно пойти еще дальше. Помимо усыновителей и опекунов в качестве субъектов преступления в ч. 2 ст. 150 УК РФ могут и должны, на наш взгляд, выступать все лица, которые не только в силу предусмотренных законом предписаний, но и возложенной на них в рамках трудовых или иных отношений обязанностей осуществляют функции по фактическому воспитанию несовершеннолетних.

Не случайно, думается, в литературе выделяют «фактических воспитателей детей» [105, с. 84]. Данные лица «воспитывают ребенка, не

являясь его родителями, опекунами или попечителями. В действительности круг «фактических воспитателей» является достаточно широким (бабушка, дедушка, брат, сестра, отчим, мачеха и др.) [82, с. 257]. Данные лица могут оказывать действенное воздействие на формирование жизненных принципов несовершеннолетнего, а также его личности. Однако закон не возлагает на этих лиц обязанности воспитывать несовершеннолетних, поэтому они не могут являться субъектами преступления ч. 2 ст. 150 УК РФ. Однако некоторыми авторами высказано мнение о дополнении ч. 2 ст. 150 УК РФ, а именно установить в качестве субъектов данного квалифицированного состава бабушек, дедушек, сестер и братьев» [110, с. 56]. Другие авторы не согласны с этой позицией, полагая, что общественная опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, «попадающего под признаки ч. 2 ст. 150 УК РФ повышается в связи с тем, что виновный не только оказывает разрушающее воздействие на формирование личности несовершеннолетнего, вовлекая его в совершение преступления, но и игнорирует возложенные на него семейным законодательством требования по воспитанию ребенка» [57, с. 71].

Несмотря на логичность данного мнения и его четкую аргументированность, полагаем, что оно опирается в большей степени на формальные критерии, которых не всегда целесообразно придерживаться в вопросах предупреждения преступлений. С одной стороны, норма, закрепленная в ст. 150 УК РФ, является бланкетной и для уяснения ее содержания действительно нужно обращаться к соответствующим положениям Семейного кодекса, согласно которым обязанности по воспитанию несовершеннолетнего лежат в первую очередь на родителях, опекунах и попечителях. С другой стороны, необходимо учитывать реальное положение дел во многих российских семьях, особенно в тех, которые построены на основе так называемых гражданских браков. Во многих из них отчимы и мачехи, сожители и сожительницы отцов и матерей несовершеннолетних по закону не обладают какими-либо полномочиями,

правами и обязанностями в отношении подростков, с которыми они проживают. В то же время эти лица выступают фактическими воспитателями этих детей и оказывают реальное влияние на их развитие, воспитание и становление как личности.

Семейное законодательство названные нюансы не учитывает, да и вряд ли на уровне закона вообще можно урегулировать эту сугубо частную сферу взаимоотношений между людьми, приходящимися друг другу близкими лицами, состоящими в близких отношениях и т.д.

Если исходить из фактического толкования признаков состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, то можно прийти к выводу, что разработчики УК, конструируя его форму, имели в виду в большей степени сам факт наличия тесной взаимосвязи взрослого и подростка в рамках официальных взаимоотношений между ними, обусловленных совместным проживанием или иными схожими факторами, которая позволяет первому оказывать реальное влияние на формирование личности подростка, его мировоззрение и поведение.

К тому же доля участия таких лиц и их определяющая роль совместной преступной деятельности довольно велика, хотя официальная статистика их не учитывает. В результате изученных нами уголовных дел по обвинению в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления только в двадцати процентах случаев данное преступление было совершено одним из субъектов, указанных в ч. 2 ст. 150 УК РФ.

Выдвинутый тезис отчасти подтверждается логикой законодателя в построении рассматриваемого квалифицирующего признака, в котором акцент все же делается, как нам кажется, на феномене «воспитание», а не на правовом статусе воспитателя.

Сказанное в целом позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования уголовного закона об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления взрослыми, которых

осуществляют фактическое воспитание подростков и имеют в связи с этим на них соответствующее влияние.

В целях оптимизации системы средств уголовно-правового противодействия исследуемому криминальному феномену предлагается изложить ч. 2 ст. 150 УК РФ в следующей редакции:

2. То же деяние, совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, либо которое осуществляет фактическое воспитание несовершеннолетнего, – наказывается....

3.2 Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 150 УК РФ

В качестве особо квалифицированного вида вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в ч. 3 ст. 150 УК РФ законодатель называет деяние, совершенное с применением: а) насилия или б) угрозы насилия.

Насилие традиционно связывают с нанесением побоев, не влекущих кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности; умышленным причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера без отягчающих обстоятельств. При этом важно иметь в виду, что в случаях, когда насилие характеризуется: нанесением побоев, не влекущих кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности; умышленным причинением легкого вреда здоровью или умышленным причинением средней тяжести вреда здоровью, деяние следует квалифицировать лишь по части 3 ст. 150 УК РФ.

Если же насилие сопряжено с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, изнасилованием или насильственными действиями

сексуального характера без отягчающих обстоятельств, то такое деяние дополнительно должно быть квалифицировано по соответствующим статьям УК РФ, т.е. по ст. ст. 111, 131 и 132 УК РФ.

Угроза применения насилия может выражаться в угрозе нанесения побоев, причинения вреда здоровью любой тяжести, изнасилованием, совершением насильственных действий сексуального характера и т.д. [80, с. 223].

Следует иметь в виду, что часть 3 ст. 150 УК РФ предусматривает ответственность за применение или угрозу применения насилия физического. Сама же по себе угроза является разновидностью психического насилия, суть которой выражается в создании для несовершеннолетнего угрозы, воспринимаемой как реальной, применения к нему физического насилия. Следует отметить, что при совершении вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с применением или угрозой применения насилия, телесная неприкосновенность и здоровье подростка являются факультативным объектом.

Ю.Е. Пудовочкин считает, что «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершаемое с применением насилия или угрозой его применения предполагает применение к потерпевшему различных видов насилия, не признаваемого законом в качестве преступления, а также угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, оскорбления и клеветы, разовых побоев при допущении в сознании возможности их применения в других эпизодах вовлечения, не требующих самостоятельной квалификации» [56, с. 64]. Причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью (как умышленно, так и по неосторожности), причинение смерти по неосторожности, истязание, всегда, по мнению автора, должно требовать дополнительной квалификации. На такую квалификацию вовлечения указывало утратившее силу Постановление Пленума Верховного Суда СССР №16 от 3 декабря 1976 г., в п. 10 «рекомендовавшее судам квалифицировать по совокупности преступлений, если вовлечение

несовершеннолетнего в преступную деятельность было сопряжено с причинением ему телесных повреждений или другими действиями, образующими самостоятельный состав преступления» [52].

В настоящее время такая квалификация не применяется в силу изменения законодательства, определившего применение насилия или угрозу его применения квалифицированным составом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

Рассматривая данный состав, необходимо сказать о сложности конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 150 УК РФ, т.к. в него входит несколько действий: непосредственно вовлечение, и применение насилия (угроза его применения). В литературе было высказано мнение, что «особо квалифицированные составы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, имеют формально-материальный состав, поскольку преступление окончено в момент вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления при помощи насилия, не повлекшего вред его здоровью, или при помощи угрозы применения такого насилия (в формальной части конструкции) либо в момент насилия легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего (в материальной части конструкции)» [81, с. 226].

Мы считаем, что в данном случае преступление является оконченным при совершении насилия над несовершеннолетним, как способа вовлечения в совершение преступления.

В одном из изученных нами уголовных дел суд квалифицировал действия вовлечателя по ч. 3 ст. 150 УК РФ. Так, Советским районным судом г. Казани осужден М., вовлекший семнадцатилетнего П. в совершение преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ. П., до лишения его родителей родительских прав и определения его в детский дом, проживал в одном доме с М. Из детского дома подросток систематически сбегал к ране знакомому М. После очередного побега, распивая совместно с несовершеннолетним спиртные напитки, М. предложил П. совершить

хищение чужого имущества. П. отказался от этого предложения из страха привлечения к уголовной ответственности. М., не согласившись с отказом П., начал оскорблять и угрожать последнему физической расправой, воспринятой подростком как реальной [78].

Исходя из сказанного, мы можем сделать следующие выводы. Составом насильственного вовлечения охватывается причинение несовершеннолетнему вреда здоровью средней тяжести, так как максимальная санкция за насильственное вовлечение составляет семь лет, а за причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) – три года. Однако следует отметить, что причинение тяжкого вреда здоровью, истязание, похищение несовершеннолетнего с целью вовлечения его в преступления всегда квалифицируется по совокупности с вовлечением в преступление. При определении квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенного с применением насилия или угрозой его применения, следует иметь в виду, что в случае совершения данного преступления родителем либо иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, содеянное подлежит квалификации по ч. 3 ст. 150 УК РФ, поскольку согласно общетеоретическим подходам особо квалифицирующий признак «поглощает» общественную опасность квалифицирующего, т.е. дополнительной ссылки на ч. 2 ст. 150 УК РФ не требуется.

3.3 Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ

В ч. 4 ст. 150 УК РФ закреплены особо квалифицированные составы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, которые предусматривают более строгое наказание в случае, если образующие объективную сторону анализируемого посягательства в ч. ч. 1, 2 и 3 ст. 150 УК действия связаны с вовлечением несовершеннолетнего:

- в преступную группу,
- в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

В последнем случае, «если преступление не состоялось по не зависящим от взрослого обстоятельством, вовлечение подростка должно рассматриваться как уголовно наказуемое приготовление к совершению преступления и влечь ответственность помимо ст. 150 также по ст. 30 и статье Особенной части УК РФ, предусматривающей наказуемость соответствующего тяжкого или особо тяжкого посягательства» [72, с. 103].

Понятие преступной группы в действующем законодательстве не раскрывается, в связи с чем, возникает потребность в его доктринальном определении. Этим понятием должны охватываться любые формы групповых образований, известных уголовному закону [56, с. 90].

Во-первых, это группы, указанные в ст. 35 УК. Вместе с тем следует иметь в виду, что вовлечение в первую из них – группу лиц без предварительного сговора – невозможно, так как вовлечение уже само по себе предполагает определенную договоренность [73, с. 82]. Не должно квалифицироваться по ч. 4 ст. 150 УК и вовлечение несовершеннолетнего в группу лиц по предварительному сговору при условии, если один взрослый воздействует на одного несовершеннолетнего, «сговаривается» с ним, так как в этом случае несовершеннолетний привлекается к совершению преступления в качестве пособника или соисполнителя и группа, образуется лишь с его участием.

Только в том случае, если несовершеннолетний вовлекается в уже созданную, или, создаваемую группу лиц по предварительному сговору, которая будет таковой и без его участия, т.е. если на момент вовлечения уже имеется предварительная договоренность о совершении преступления, между как минимум, двумя лицами вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления можно квалифицировать по ч. 4 ст. 150 УК РФ. Под понятие преступной группы в любом случае подпадает организованная

группа и преступное сообщество, признаки, которых раскрываются соответственно в ч.ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ [104, с. 138].

Наряду с указанными выше признаками особо квалифицированным видом рассматриваемого преступления в настоящее время признается также вовлечение несовершеннолетнего в преступление по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Так, Приговором Советского районного суда г. Волгограда девятнадцатилетний С., осужден за вовлечение несовершеннолетнего К., в совершение преступлений, предусмотренных п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. С целью реализации задуманного С. решил вовлечь в совершение преступлений несовершеннолетнего К., заведомо зная о его несовершеннолетнем возрасте, С. предложил К. совершить данное преступление, чтобы похищенное имущество впоследствии продать, а денежные средства поделить между собой и потратить на собственные нужды.

В качестве предлога для вовлечения подростка в совершение противоправных действий С. использовал сложившееся между ними доверительные отношения, ложно воспринимаемое им чувство товарищества, а также разжигал у него корыстные побуждения обещанием легкого, незаконного обогащения, поделиться вырученными деньгами после реализации ими похищенного имущества [76].

Однако необходимо отметить, что суды не всегда принимают правильное решение и совершают ошибки. Принятию неправильных решений судами способствуют поверхностное изучение дел, некритическая оценка доказательств.

Судебная практика свидетельствует о том, что суды кассационной инстанции, которые призваны исправлять ошибки районных и городских судов, сами допускают отступления от требований закона.

Так, судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда, рассмотрев дело в отношении Б., осужденного по приговору Донецкого городского суда по ч. 1 ст. 150 и ч. 1 ст. 228 УК РФ, отменила приговор в части осуждения Б. по ч. 1 ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) и дело прекратила за отсутствием в деянии состава преступления, указав в определении, что несовершеннолетнее лицо должно осознавать, что его вовлекают в совершение преступления [77].

Однако кассационной инстанцией не учтено, что согласно ст. 150 УК РФ ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления несет взрослое лицо, если оно сознавало, что своими действиями вовлекало несовершеннолетнего в совершение преступления, и желало этого. Коллегия отменила определение кассационной инстанции.

Один из спорных вопросов, на который часто обращают внимание представители уголовно-правовой науки, – образует ли состав преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, вовлечение несовершеннолетнего в совершение неосторожного преступления [11, с. 5].

Упомянутое в Пленуме выражение «возбуждение желания совершить преступление» говорит о подстрекательстве несовершеннолетнего к участию в том или ином качестве в конкретном, полностью охватываемом его сознанием акте преступного поведения. При этом оценка такого взаимодействия взрослого и подростка с учетом традиционных положений о соучастии в доктрине отечественного уголовного права не позволяет говорить о неосторожности при совершении рассматриваемого преступного посягательства. На это «указывает и упоминание этапов подготовки и покушения (абз. 4 п. 42 Постановления), которые не вписываются в общепринятое доктринальное представление о стадиях совершения неосторожных преступлений, и противоречит правилам квалификации, изложенные в абз. 5 и 6 п. 42» [48, с. 3] названного разъясняющего Постановления Верховного суда РФ.

Таким образом, если в ходе целенаправленного вовлечения подростка в умышленные преступные действия возникает ситуация причинения им неосторожного вреда каким-либо охраняемым уголовным законом благам, интересам или отношениям, или вред причиняется подростком, в силу возраста не являющимся субъектом уголовной ответственности, то деяние должно квалифицироваться по правилам оценки опосредованного причинения ущерба без отсылки к статье 150 УК РФ.

Кстати, если строго следовать разъяснениям, данным в Постановлении, то за умышленную провокацию взрослым неосторожных действий подростка, способного в силу достижения 16 лет отвечать за свои деяния по уголовному закону, «вовлекатель» вообще не должен нести уголовную ответственность. Это объясняется отсутствием умысла как ключевого конститутивного признака в структуре как взаимодействия подстрекателя и исполнителя, так и соучастия в целом. Хотя с таким положением дел довольно трудно согласиться [80, с. 224].

Если немного отойти от рекомендаций Постановления и обратить внимание исключительно на текст ст. 150 УК РФ, и на то, что он не содержит прямого указания на форму вины в составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, то можно допустить, что подросток может быть вовлечен и в совершение неосторожного деяния. Такая идея если и не безупречна, то, по крайней мере, не противоречит смыслу криминализации данного деяния, тем более что грань между совершением преступления в виде легкомыслия и косвенного умысла, порой почти неуловима. В таком случае мы не можем констатировать факт соучастия в содеянном совместно с подростком деянии, поскольку будет отсутствовать единый умысел. Нельзя будет квалифицировать такое деяние и как опосредованное причинение [81, с. 146].

Тем не менее, состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления здесь будет налицо. Обобщение судебной практики показало, что преобладающее количество дел, рассмотренных судами области, касается

вовлечения несовершеннолетних в совершение квалифицированной кражи. Кроме того, статистические данные свидетельствуют, что лица, вовлекающие несовершеннолетних в преступление, имеют явную антиобщественную криминальную направленность, уже имели судимости. К возрастным особенностям вовлекаемых в преступление подростков относились безразлично.

Завершая анализ квалифицированных составов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, отметим, что в целом тенденция к восприятию наиболее опасных форм вовлечения подростков в криминальное поведение законодателем определена, верно. Отягчающие обстоятельства, предусмотренные ч. ч. 2-4 УК, установлены правильно. Они отражают реальное положение дел в системе отношений взрослый – подросток, родители – дети, опекуны (попечители) – подопечные, педагоги – воспитанники и т.д. и учитывают возможность оказания влияния указанных лиц на формирование криминального типа восприятия объективной действительности.

Тем не менее, имеются и пробелы. Одним из них, на наш взгляд, выступает отсутствие в УК указания на таких субъектов рассматриваемого преступления, как лица, осуществляющие фактическое воспитание несовершеннолетних. Такая формулировка позволила бы усилить превентивный потенциал уголовного закона в плане противодействия в вовлечение в криминальное поведение подростков лицами, по закону не являющимися родителями или опекунами (попечителями), и не обремененными обязанностями по воспитанию несовершеннолетних, но выполняющих эту функцию фактически (сожители матерей и отцов, тети, дяди, иные родственники и лица). В подобных случаях общественная опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления ничуть не меньше. Да и по фактическому положению в отношении подростков они не отличаются.

Заключение

Проведенное исследование, анализ законодательства, судебной практики и доктринальных положений, позволяют сформировать следующие выводы:

1. Обращение к истории развития российского уголовного законодательства указывает на то, что интересы нормального физического и нравственного развития несовершеннолетних всегда были в центре внимания отечественного законодателя. Развитие и совершенствование методов борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений в России началось с момента возникновения государства, с появления первых законодательных актов. Это развитие не прекращалось на протяжении всей истории и продолжает развиваться до сих пор.

2. Сравнительно-правовой анализ Российского уголовного законодательства и зарубежного уголовного законодательства позволяет сделать вывод о том, что в ряде зарубежных стран отсутствует норма, регулирующая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. В подобных случаях действуют нормы о подстрекательстве и соучастии. Кроме того, можно отметить, что санкции большинства уголовных кодексов зарубежных стран жестче санкций УК РФ, в частности санкции статей УК Франции устанавливают более длительные сроки лишения свободы, чем УК РФ. Помимо этого, в качестве наказания всегда применяется крупный денежный штраф, а дополнительными наказаниями являются временное лишение политических, гражданских и семейных прав, лишение водительских прав.

3. Родовым объектом исследуемого посягательства следует считать общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование личности. Под видовым объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений следует понимать совокупность интересов семьи и несовершеннолетних, а также общественных отношений, складывающиеся

внутри семьи и вокруг нее. Основным непосредственным объектом данного состава преступления следует признать общественные отношения, обеспечивающие правильное воспитание несовершеннолетнего, а также его нормальное нравственное и духовное развитие.

4. Основным непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления являются общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию.

5. Правовой статус и возрастные критерии несовершеннолетнего недостаточно четко определены в отечественном уголовном законодательстве. УК РФ признает несовершеннолетним лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18. Давая это понятие в главе «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», законодатель рассматривает несовершеннолетнего как субъекта преступления. В результате, на практике встречаются случаи, когда лицам, вовлекающим малолетних в совершение преступления, ст. 150 УК РФ не вменяется, а причиненный малолетним вред квалифицируется как причиненный взрослым путем посредственного исполнения соответствующего состава преступления. В данной связи представляется целесообразным заменить в диспозиции рассматриваемой нормы в ст. 150 УК термин «несовершеннолетний» на определение «лицо, не достигшее возраста 18 лет».

6. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления следует рассматривать как действия взрослого лица, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить преступление. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и т.д.

При этом под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) следует понимать не только традиционно рассматриваемые в этом качестве «активные действия достигшего совершеннолетия лица, направленные на лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, по укреплению у него решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния или деятельности либо по приобщению и подготовке его к преступному образу жизни», но и действия, которые состоят в использовании в совершении преступления несовершеннолетнего, не осознающего факт своего участия в преступной деятельности (факт совершения им преступления или общественно опасного деяния).

7. Чаще всего несовершеннолетние вовлекаются в совершение преступлений путем обещаний, предложения или угрозы.

8. Принимая во внимание повышенную общественную опасность исследуемого преступления, его состав должен быть сконструирован по типу формального. Однако в ходе проведенного исследования установлены случаи, когда в практической деятельности момент окончания такого рода преступлений является спорным. Постановление Пленума Верховного Суда от 01.02.2011 года разрешает этот вопрос, устанавливая, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению или покушения на преступление. Таким образом, вовлечение рассматривается в правоприменительной практике фактически не как действие, а как результат, хотя должно быть наоборот.

9. Предлагаются варианты совершенствования законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Необходимо внесение изменений и дополнений в УК, а именно: внесения разъяснений о моменте окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления; ужесточение санкций, так например, за вовлечение несовершеннолетнего с совершение преступления,

совершенное родителем, педагогом или иным лицом на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего следует предусмотреть штраф помимо указанных наказаний; выделения самостоятельного состава попустительства преступлениям несовершеннолетних; дополнение ст. 150 УК нормой об ответственности за использование несовершеннолетнего для достижения преступных целей взрослого.

Одельное внимание следует уделить квалифицирующему признаку, содержащемуся в ч. 1 ст. 150 УК и усиливающему степень репрессивного воздействия на лицо, вовлекающее несовершеннолетнего в совершение преступлений, если оно является для вовлекаемого родителем, воспитателем или наставником.

В настоящее время назрела необходимость совершенствования уголовного закона об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления взрослыми, которых осуществляют фактическое воспитание подростков и имеют в связи с этим на них соответствующее влияние. В целях оптимизации системы средств уголовно-правового противодействия исследуемому криминальному феномену предлагается дополнить содержание ч. 2 ст. 150 УК положением об ответственности за то же деяние в отношении не только родителей, педагогических работников и иных лиц, на которые обязанности по воспитанию несовершеннолетнего возложены законом, но и любых других лиц, которые осуществляют фактическое воспитание несовершеннолетнего. Кроме того, требуется проведение комплексных социологических, медицинских, психологических, уголовно-правовых, криминологических и криминалистических исследований, направленных на всестороннее исследование различных аспектов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления. Только на этой основе возможна разработка эффективных мер борьбы с указанными преступлениями и их последовательная реализация на практике.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александров В.Б. Предупреждение преступлений против несовершеннолетних: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 29с.
2. Александров В.Б. Понятие и виды преступлений против несовершеннолетних // Современное право. 2007. № 11. С. 86-91.
3. Астемиров З.А. Некоторые пути совершенствования уголовно-правовой защиты несовершеннолетних // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 2. С. 160-161.
4. Белоглазов А.Е. Субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 298-301.
5. Бельцов Д.В. Уголовная ответственность за преступления несовершеннолетних и против несовершеннолетних: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 29с.
6. Бирюкова В.С. Субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий // В сборнике: Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 123-126.
7. Бирюкова В.С., Карташов И.И. Особенности объективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Chronos. 2020. № 5 (43). С. 55-58.
8. Боровиков В.Б. Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник российского нового университета. 2008. № 2. С. 231-235.
9. Ветров Н.И., Ляпунов Ю.И. Уголовное право: учебник / Н.И. Ветров, Ю. И. Ляпунов. 4-е изд., испр. и доп. М. : ИД Юриспруденция, 2010. 752 с.
10. Винокуров В.Н. Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применение уголовного закона. М., 2012. 288 с.

11. Волков К.А. Преступления против несовершеннолетних: вопросы, требующие решения // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3. С. 4-7.
12. Воронин М.А. Некоторые проблемы преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // ЭЖ- Юрист. 2013. № 5. С. 295-297.
13. Гайков В.Т., Лемчик Т.А. Исторические аспекты уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность // Экономический вестник Ростовского университета. 2009. № 4. С. 51- 53.
14. Галахова А.В. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. М. : Норма, 2014. 736 с.
15. Галимов О.Х., Тыченко В.С. К вопросу о возрасте лица, вовлекаемого в совершение преступления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 22-27.
16. Гармаш А., Сулова И. Защита детей от жестокого обращения и насилия // ЭЖ- Юрист. 2012. № 29. С. 122-125.
17. Гулякевич Д.Л. Уголовно-правовая охрана ребенка в Республике Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 2
18. Давыдова Д.Ю. Система институтов уголовного права, направленных на противодействие насильственной групповой преступности в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2015. № 7. С. 24-28.
19. Девисилова В.М. Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений и иных антиобщественных действий по уголовному законодательству дореволюционной России // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. № 5. С. 198-204.
20. Елифанов Б.В., Осмоловская С.И. Проблемы установления непосредственного объекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение

преступления // В сборнике: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией А.Г. Хлебушкина, Т.Н. Тиминой. 2018. С. 114-118.

21. Журавлев М.П., Наумов А.В., Никулин С.И., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Янеленко Б.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная (учебник; под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., проф. А.И. Рарога; издание 10-е, перераб. и доп.). М. : «Проспект», 2018. 944 с.

22. Иванцова Н.В. Законодательная регламентация уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник российского университета кооперации. 2008. № 1(1). С. 89-97.

23. Карташов С.В. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 64-72.

24. Комаринский А.В. Возрастная дифференциация лиц, совершивших преступление против несовершеннолетних // Вестник Орловского государственного университета. 2013. № 3(32). 21-24.

25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. 792 с.

26. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. 371 с.

27. Коровин Е.П. Признаки объекта и потерпевшего в составе преступления, предусмотренного ст.150 УК РФ // 2006. № 4. С. 1-5.

28. Коваленко М., Богданова Э.Ю. Понятие и объективные признаки состава вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления // В сборнике: Актуальные проблемы уголовного права, криминологии,

уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика. Материалы VIII международной научно-практической конференции. Редколлегия: Э.Ю. Богданова, М.И. Кольцов, Е.А. Попова. 2019. С. 132-134.

29. Косевич Н.Р. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних как составная часть социальной политики Российской Федерации по защите детства // Российский судья. 2014. № 2. С. 19-23.

30. Кошелева Е.В. Семейное неблагополучие как фактор повторной преступности несовершеннолетних // Российский следователь. 2015. № 14. С. 8-11.

31. Крылова О.А. Развитие законодательства о преступлениях против семьи и несовершеннолетних в XVII-XX века // Право. 2012. № 17. С. 114-123.

32. Кунц Е.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления совершаемые против несовершеннолетнего // Вестник Челябинского университета. 2013. № 5(296). С. 84-86.

33. Курс уголовного права: учебник: в 5 т. Т. 3. Особенная часть / под ред. Н.Г. Борзonenко, 2-е изд., перераб. и доп. М. : Зерцало, 2002. 470 с.

34. Лазарев Э.Б. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: проблема объединения объекта преступления // Российское правосудие. 2009. № 10. С. 59-63.

35. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному Кодексу РФ (постатейный). 13-е издание, изм.и доп.. М. : Юрайт, 2013. 663с.

36. Макаров А.В., Жукова А.С. Преступления против личности несовершеннолетних: вопросы внесения изменений в УК РФ и дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 12. С. 23 - 27.

37. Машинская Н.В. Понятие несовершеннолетнего в уголовном праве // Вестник института. 2013. № 1(21). С. 34-37.

38. Морозов А.А. Проблемы толкования и применения ст. 150 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 1. С.1- 4.

39. Мосечкин И.Н. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в занятие азартными играми // Безопасность бизнеса. 2014. № 3. С. 30 - 33.

40. Нагаева Т.И. Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве // Защита прав несовершеннолетних. 2011. № 3. С. 515-539.

41. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций (6-е изд., перераб. и доп.). Москва, 2020. 784 с.

42. Николаева Ю.В. Дифференциация преступлений против несовершеннолетних в России: монография. М. : ЮРКОМПАНИ, 2011. С. 7-22.

43. Николаева Ю.В. Вопросы эффективности наказания и совершенствования уголовного наказания за преступления против несовершеннолетних // Право и жизнь. 2012. № 167(5). С. 278-298.

44. Николаева Ю.В. Уголовно-правовая охрана психического и физического развития несовершеннолетних от преступных посягательств // Право и политика. 2008. № 2. С. 404-412.

45. Николаева Ю.В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 46 с.

46. Огородникова Н.В. Усиление уголовно-правой охраны несовершеннолетних: законодательные новации // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. №16. С. 59-65.

47. Осмоловская С.И., Епифанов Б.В. Развитие отечественного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 80-84.

48. Павлов Д.В. История развития отечественного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за вовлечение

несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественную деятельность // Защита прав несовершеннолетних. 2012. №3. С. 121-124.

49. Павлов Д.В. Развитие российского законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий // Уголовное право. 2013. № 5. С. 221-225.

50. Палий В.В. Объект преступлений против семьи и несовершеннолетних: спорные вопросы //Актуальные проблемы Российского права. 2010. № 3. С. 282-287.

51. Попова В.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных деяний: криминологический аспект // Вестник Нижегородского института управления. 2020. № 2 (56). С. 24-26.

52. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 02.04.2013) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. № 29. 11 февраля.

53. Пудовочкин Ю.И. Некоторые проблемы терминологии, используемой в УК РФ для определения возрастных категорий несовершеннолетних // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 12. С. 9-10.

54. Пудовочкин Ю.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы // Вестник института. 2011. С. 1-6.

55. Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис....канд. юрид. наук. Москва, 2005. 49 с.

56. Пудовочкин Ю.И. Квалификация случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную группу // Российская юстиция. 2005. № 12. С. 90-94.

57. Преступления против личности: учебное пособие для вузов / А.В. Наумов [и др.]; ответственный редактор А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 118 с. (Высшее образование). Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/453857> (дата обращения: 28.10.2020).

58. Рарог А.И. Уголовное право РФ. Общая часть: учебник. 3-е издание, изм. и доп. М. : Эксмо, 2009. 496 с.

59. Ревин В.П. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2010. 230 с.

60. Решетникова Г.А. История развития уголовного законодательства России о преступлениях против семьи и несовершеннолетних до 1917 года // Вестник Удмурского университета. 2005. № 6-2. С. 46-58.

61. Решетникова Г.А. Охрана семьи и несовершеннолетних в уголовном законодательстве зарубежных стран // Вестник Удмурского университета. 2005. № 6-2. С. 59-75.

62. Российское уголовное право. Курс лекций: учебник: в 3 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. В. Наумов, – 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2010. 504 с.

63. Российское законодательство X-XX веков. в 9 т. / Под общ.ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1994. 225 с.

64. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения 06.11.2020).

65. Смирнова Е.В., Дядькин О.Н. Некоторые аспекты квалификации преступлений с участием несовершеннолетних // В сборнике: Верховенство права: международный и государственный аспект: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2019. С. 56-59.

66. Скачкова Н.П. Коллизии в правоприменительной практике, связанные с конструкцией некоторых составов преступлений против несовершеннолетних, и пути их преодоления // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 2. С. 20 - 23.

67. Сухоруков С.И. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // В сборнике: Проблемы юриспруденции. сборник научных статей и тезисов. М-во образования и науки Российской Федерации, Новосибирский гос. технический ун-т; [редкол.: С.А. Поляков (отв. ред.) и др.]. Новосибирск, 2010. С. 131-146.

68. Солдатова С.В. Преступления против нравственности и несовершеннолетних по УК РФ // Общество и право. 2013. № 1. С. 101-107.

69. Сперанский К.К. Проблемы уголовно-правовой борьбы преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 40 с.

70. Строков А.А. Уголовно-правовые аспекты: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: монография. М., 2011. 153 с.

71. Строков А.А. Характеристика зарубежного законодательства в вопросах совершения преступлений против несовершеннолетних по аналогии с главой 20 Уголовного кодекса РФ // 2008. № 2. С 204-207.

72. Сундуrow Ф.Р. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. 3 - издание, изм. и доп. М. : Статут, 2014. 540 с.

73. Ткачева Н.В. Объективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы права. 2019. № 5 (74). С. 81-85.

74. Уголовное дело № 1-112/2012 // Архив Палласовского районного суда г. Волгограда за 2012 год.

75. Уголовное дело № 1-112/2019 // Архив Камышинского городского суда Волгоградской области за 2019 год.

76. Уголовное дело № 1-41/2013 // Архив советского районного суда г. Волгограда за 2013 год.

77. Уголовное дело № 1-49/2018 // Архив Донецкого городского суда Ростовской области за 2018 год.

78. Уголовное дело № 2-047/А/2019 // Архив Верховного суда Республики Татарстан за 2019 год.

79. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 1184 с.

80. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благов, П.В. Головненков и др. / Под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2015. 719 с.

81. Уголовное право: Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. М., 2014. 673 с.

82. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том 2: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / О. С. Капинус [и др.]; под ред. О. С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 639 с.

83. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 780-Ю (по сост. на 29.05.2015) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2000. № 4. Ст. 251.

84. Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. проф. Б.В.Волженкин, пер. с англ. И.В.Мироновой. 2-е изд. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 510 с.

85. Уголовный кодекс Испании / науч. ред. и предисл. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. – М. : Зерцало, 1998. 218 с.

86. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. А.И. Коробеева, пер. с китайского Д.В. Вичикова. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 303 с.

87. Уголовный кодекс Кыргызской республики от 01.10.1997 № 68 (по сост. на 28.07.2015) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской республики. 1997. № 7. Ст. 229.

88. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. ст. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. А.И. Лукашова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 313 с.

89. Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилониса; пер. с лит. В.П. Казанскене. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 470 с.

90. Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 № ЗР-528 (по сост. на 17.12.2014) // Официальные ведомости Республики Армения. 2003. № 25. Ст. 407.

91. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 (по сост. на 28.04.2015) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. 2/50.

92. Уголовный кодекс Республики Грузия от 22.07.1999 № 2287-вс (по сост. на 01.02.2015) // Сакартвелос саканонмдебло мацне. 1999. Ст. 209.

93. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226 (по сост. на 02.08.2015) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13. Ст. 83.

94. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (по сост. на 09.04.2015) // Официальный монитор Республики Молдова. 2002. № 128-129. Ст. 1012.

95. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 575 (по сост. на 18.03.2015) // Ахболи Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68.

96. Уголовный кодекс Республики Туркменистан от 12.06.1997 № 222-1 (по сост. на 02.02.2015) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1997. № 2. Ст. 9.

97. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-X11 (по сост. на 20.08.2015) // Ведомости Верховного Совета РУ. 1995. № 1. Ст. 3.

98. Уголовный кодекс Республики Украина от 05.04.2001 № 2341-III (по сост. на 16.07.2015) // Ведомости Верховной Рады Украины. 2001. № 25-26. Ст. 131.

99. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

100. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

101. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020, с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

102. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 650 с.

103. Уголовный кодекс Эстонской республики / Науч. ред. и перевод с эстонского В.В. Запевалова; вступ. статья канд. юрид. наук, доц. СПбГУ Н.И. Мацнева. – СПб. : Изд-во Асланова «Юридический центр Пресс», 2001. 262 с.

104. Факова Р.А., Рябова Л.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: проблемы квалификации // Вестник науки. 2020. Т. 4. № 5 (26). С. 136-140.

105. Ханова З.Р. Вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 201 с.

106. Ханова З.Р. Проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 238-239.

107. Харламов В.С. Совершенствование уголовно-правовой охраны внутрисемейных отношений // Современное право. 2015. № 7. С. 117-120.

108. Харламова А.А., Богатова Е.В. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ, по признаку «потерпевший» // Уголовное право. 2016. № 3. С. 94-98.

109. Чугунова М. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной охраны интересов семьи и несовершеннолетних по законодательству зарубежных стран // 2011. № 35(250). С.74-75.

110. Чудин Н.М. Преступления против несовершеннолетних // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24 - 25 октября 2014 г.): избранные материалы / Г.В. Абшилава, В.В. Акинфиева, А.Б. Афанасьев и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2015. 400 с.

111. Чучаев А.И., Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления: спорные вопросы трактовки // Российский следователь. 2009. № 9. С.40-45.

112. Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 206 с.

113. Приговор № 1-100/2019 1-984/2018 от 6 февраля 2019 г. по делу № 1-100/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xMF2HQk9pFVP/> (Дата обращения 20.11.2020).

114. Boutros Ladeia Eduardo, Benedicto Ottoni. The effect of verbal information about model's competence on overimitation by preschool children // Journal of Experimental Child Psychology. Volume 186, October 2019, Pages 189-200.

115. Berkovits L. Aggression: A social psychological analysis. N.Y., — 1962. 256 p.

116. Klier R. Handbuch für die Praxis. Jugendhilfe in Strafverfahren, Jugendgerichtshilfe / R. Klier, M. Brehmer, S. Zinke. Walhalla Fachverlag, 2002. 240 p.

117. Lublinskiy P.I. Zur Reform des Sexualstrafrechts: Kritische Beiträge: Monographien aus dem Institut für Sexualwissenschaft in Berlin/ herausg. von M. Hirschfeld. Bern und Leipzig, 1926. 186 p.

118. Ridder R., Normative considerations in the labeling of harmful behavior as aggressive // J. of Soc. Psychol. 1985. 125, № 5. P. 81-93.